

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1870 г.

ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. Головина, у Владимірской, домъ № 15, кв. № 3.

1870.

шей свѣтлости поздравляю алевѣгъ изъ Преображенскаго, іюля (число истлѣло), 1708 г.

Сообщ. П. П. Ламбинъ.

О ПОВРЕЖДЕНІИ ПРАВОВЪ ВЪ РОССИИ.

(записки князя М. М. Щербатова).

Исторіографъ кн. М. М. Щербатовъ принадлежитъ къ числу ученѣйшихъ и трудолюбивыхъ дѣятелей въ области отечественной науки и словестности прошлаго столѣтія. Помѣщая на стр. „Русской Старины“ наиболѣе замѣчательное и самое интересное его сочиненіе, — считаемъ необходимымъ напомнить нѣкоторыя факты о жизни кн. Щербатова и трудахъ этого писателя.

Кн. Михайль Михайловичъ — принадлежитъ къ одной изъ древнѣйшихъ и именитѣйшихъ на Руси фамилій, ведущей родъ свой отъ св. князя Михаила Черниговскаго. Многіе представители этой славной фамиліи были намѣстниками въ XVI стол., имѣли высочій санъ „окольникчаго“ и „боярина“. Пращуръ его, по прямой линіи, князь Осипъ Михайловичъ, умеръ окольникчимъ въ 1578 г.; прапрадѣдъ — кн. Василій Петровичъ, († 1636 г.) былъ женатъ на княжнѣ Ростовской; прадѣдъ — князь Федоръ Васильевичъ — женатъ на Сабуровой; дѣдъ — кн. Юрій Федоровичъ — былъ окольникчей и бригадиръ, потомъ инокъ Софроній, († 1737 г.) жен. на Аннѣ Михайловнѣ Волынской (въ послѣдствіи схимница Александра); отецъ — кн. Михайло Юрьевичъ — генераль-маіоръ († 1738 г.) женатъ былъ три раза, а именно: на Оеклѣ Ивановнѣ Паниной, княжнѣ Тюфякиной и княжнѣ Сонцевой-Засѣвиной. Эту генеалогическую справку не бесполезно имѣть въ виду для уясненія какимъ образомъ развилась въ авторѣ та кичливость родомъ, которою проникнуты печатаемые записки.

Родился кн. М. М. 22 іюня 1733 г.; обучался въ родительскомъ домѣ „французскому и итальянскому языкамъ и разнымъ наукамъ“; началъ службу въ гвардіи унтеръ-офицеромъ. 28 декабря 1761 г., (а не въ 1756 г., какъ ошибочно сказано въ словарѣ свѣт. писат. митрополита Евгенія ч. II стр. 273), произведенъ въ прапорщика. Въ 1762 г. мы его видимъ капитанъ-поручикомъ и въ томъ же году, 29 марта, онъ отставленъ капитаномъ. Въ 1767 г. депутатъ Ярославскаго дворянства въ комиссіи при составленіи новаго уложенія; въ томъ же году — камеръ-юнкеръ; въ 1768 г. назначенъ присутствовать въ комиссію о коммерціи; въ 1771 г. герольдмейстеръ; въ 1773 г. дѣйствительный камергеръ; 1778 г. тайный совѣтникъ и президентъ камеръ-коллегии; въ 1779 г. сенаторъ; умеръ 12 декабря 1790 г. будучи 57 съ половиною лѣтъ отъ роду, а не 53-хъ, какъ напечатано въ словарѣ Евгенія. Какъ видно изъ этого послужнаго списка, кн. Щербатовъ занималъ разнообразныя и въ теченіи долгаго времени высокіе посты въ государственной службѣ; а принадлежа, по своимъ фамильнымъ связямъ, къ высшей аристократіи и увлекаемый природною любознательностью — вынуждавшей его заблжно собирать историческія данныя — кн. М. М. долженъ былъ

весьма много и чрезвычайно хорошо знать о событіяхъ и дѣятеляхъ русской исторіи почти всего XVIII столѣтія.

Что касается до его ученыхъ трудовъ и изданій историческихъ памятниковъ, то списокъ тѣхъ и другихъ довольно длиненъ и краснорѣчиво говоритъ, если не о талантѣ и широтѣ взгляда автора, въ этомъ судьба совершенно отказала кн. Щербатову, то объ его учености, трудолюбіи, и любви—къ исторіи.

Болѣе шестидесяти лѣтъ спустя послѣ смерти исторіографа, а именно въ 1856—1861 гг., въ бумагахъ его найдено много мелкихъ сочиненій князя—незначительныхъ, по объему, но весьма важныхъ, какъ для біографіи историка, такъ въ особенности для характеристики политическихъ, юридическихъ и экономическихъ взглядовъ представителей русскаго общества въ эпоху Екатерины II.

Нѣкоторыя изъ этихъ вновь открытыхъ сочиненій тогда же явились на страницахъ Отеч. Записокъ, Библеограф. Записокъ и въ Читеніяхъ Моск. Общ. Исторіи. (Полный списокъ напечатанныхъ сочиненій кн. М. М. Щербатова приведенъ А. Д. Галаховымъ въ Исторической Христоматіи. Спб. 1861 г. т. I стр. 547—548). Тогда же сдѣлалось извѣстнымъ и наиболѣе интересное изъ всѣхъ этихъ сочиненій кн. М. М., а именно его записки: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“. Весьма обстоятельный отчетъ о нихъ былъ данъ покойнымъ ученымъ г. Ешевскимъ въ № 3 „Атеней“ 1858 г. и въ томъ же году записки эти были напечатаны въ особомъ сборникѣ, весьма однако мало извѣстномъ читающей публикѣ. Притомъ изданіе это было сдѣлано по списку, а не съ подлинника и напечатано со списка чрезвычайно несправнаго, наполненнаго грубѣйшими ошибками, совершенно искажающими смыслъ, напр. напечатано: „слѣпо“, въ подлинникѣ знач. „спына“; напеч.: „при двухъ громкихъ царствованіяхъ“, въ подл.: „при двухъ краткихъ царствованіяхъ“; напеч.: „его поступки подозрѣваемы были“, въ подлинникѣ: „его поступки надзираемы были“; напеч.: „частными съѣздами“; въ подлинникѣ: „частымъ съѣздами“; искажены имена: напеч.: „К. П. Е. Т.“ въ подлинн.: „кн. Н. Г. Т.“ (т. е. княгиня Настасья Гавриловна Трубецкая); напеч.: „стремительныя страсти“ въ подлинн.: „охулительныя страсти“; напеч.: „искуситель“ въ подлинн.: „искусень“; напеч.: „о родѣ питья“ въ подлинн.: „о родѣ житья“; напеч.: „за чистое противоборство“, въ подлинн.: „за частое противоборство“; напеч.: „важныхъ людей“, въ подл.: „вѣрныхъ людей“ и т. п. ошибки находиться на каждой страницѣ печатнаго изданія 1858 года. Независимо отъ таковыхъ немаловажныхъ ошибокъ и извращеній смысла историческаго памятника, при изд. его въ 1858 г. допущены пропуски словъ и цѣлыхъ фразъ не разобранныхъ небрежнымъ переписчикомъ, о чемъ впрочемъ заявляетъ самъ издатель.

Въ виду особенной важности для отечественной исторіи и исторіи русскаго общества прошлаго столѣтія полнаго, надлежаще выполненнаго изданія записокъ кн. М. М. Щербатова—мы весьма счастливы, что можемъ представить такое изданіе. Мы печатаемъ это сочиненіе на стр-хъ „Русск. Старини“ съ подлинника, собственной руки кн. Щербатова. Подлинникъ написанъ на листахъ грубой бѣлой бумаги, съ полями въ половину страницъ; на нихъ рукою князя

М. М. Щербатова сдѣлано множество вставокъ и поправокъ. Почеркъ князя крайне мелокъ, не разборчивъ, самая рукопись отъ времени или отъ того, что въ прежнее время долго лежала въ сырости, сильно порижѣла и мѣстами, къ счастью только по угламъ, прогнила. Печатаемъ мы это сочиненіе съ особенною тщательностью не только дословно, но даже съ сохраненіемъ мѣстами особенно характеристическихъ особенностей правописанія исторіографа; кромѣ того — мы возстановляемъ въ примѣчаніяхъ тѣ слова, которыя зачеркнуты авторомъ, впрочемъ большею частью только для исправленія слога.

Здѣсь не мѣсто представлять критическій разборъ этого историческаго памятника: важный — по фактамъ, записанныхъ очевидцемъ правдивымъ и весьма ученымъ, онъ интересенъ и по тѣмъ своеобразнымъ до нелѣпости, до полного обскурантизма взглядамъ и выводамъ, въ которыхъ приходитъ авторъ. Нелѣпость эта до того очевидна, что самая мрачная картина фактовъ, освѣщенная кн. М. М. Щербатовымъ съ его особой точки зрѣнія, отнюдь не можетъ и не должна смущать самыхъ чепорныхъ и щепетильныхъ читателей, тѣмъ болѣе, что излагаемые факты имѣли мѣсто болѣе ста лѣтъ тому назадъ. При томъ особенно мрачные факты, именно тѣ, которые кн. М. М. внесъ въ свои записки со словъ другихъ, по устнымъ разсказамъ или по преданіямъ, должны быть принимаемы не безъ осторожности.

Ред.

I.

Взирая на нынѣшнее состояніе отечества моего, съ таковымъ окомъ, каковое можетъ имѣть человѣкъ, воспитанный по строгимъ древнимъ правиламъ, у коего страсти уже лѣтами въ ослабленіе пришли, а довольное испытаніе подало потребное просвѣщеніе, дабы судить о вещахъ, не могу я не удивиться, въ едль краткое время повредились повсюдно нравы въ Россіи. Во истину могу я сказать, что если вступа позже другихъ народовъ въ путь просвѣщенія, и намъ ничего не оставалось болѣе, какъ благоразумно послѣдовать стезямъ прежде просвѣщенныхъ народовъ; мы подлинно въ людскости и въ нѣкоторыхъ другихъ вещахъ, можно сказать удивительные имѣли успѣхи и исполненскими шагами шествовали къ поправленію нашихъ вѣщностей; но тогда же гораздо съ вящей скоростію бѣжали къ поврежденію нашихъ нравовъ, и достигли даже до того, что вѣра и божественный законъ въ сердцахъ нашихъ истребились, тайны божественныя въ презрѣніе впади, гражданскія узаконенія презираемы стали; судіи во всякихъ дѣлахъ не толь стали стараться, объясня дѣло, учинить свои заключенія на основаніи узаконеній, какъ о томъ, чтобы, лихоимственно продавая правосудіе, полу-

чить себя прибытокъ, или, угождая какому вельможѣ, стараются проникать, какое есть его хотѣніе; другіе же не зная и не стараяся познавать узаконенія, въ сужденіяхъ своихъ, какъ безумные, бредятъ, и ни жизнь, ни честь, ни имѣнія гражданскія не суть безопасны отъ таковыхъ неправосудій. Нѣсть ни почтенія отъ чадъ въ родителямъ, которые не стыдятся открытно ихъ волѣ противоборствовать и осмѣивать ихъ стараго вѣка поступокъ. Нѣсть ни родительской любви къ ихъ исчадію, которые, яко иго съ плечъ слагая, съ радостью отдають воспитывать чужимъ дѣтей своихъ; часто жертвуютъ ихъ своимъ прибыткамъ и многіе учинились для честолюбія и пышности продавцами чести дочерей своихъ. Нѣсть искренней любви между супруговъ, которые часто другъ другу хладно терпя взаимственныя прелюбодѣянія, или другіе за малое что разрушаютъ собою церковью заключенный бракъ, и не токмо стыдятся, но паче яко хвалятся симъ поступкомъ. Нѣсть родственническія связи, ибо имя родовъ своихъ ни за что почитаютъ, но каждый живетъ для себя. Нѣсть дружбы, ибо каждый жертвуетъ другомъ для пользы своея. Нѣсть вѣрности къ государю, ибо главное стремленіе почти всѣхъ обманывать государя, дабы отъ него получать чины и прибыточные награжденія. Нѣсть любви къ отечеству, ибо почти всѣ служатъ болѣе для пользы своей, нежели для пользы отечества; и наконецъ нѣсть твердости духа, дабы не токмо истину предъ монархомъ сказать, но ниже временщику въ незаконномъ и зловредномъ его намѣреніи попротивиться.

Толь совершенное истребленіе всѣхъ благихъ нравовъ, грозящее паденіемъ государству, конечно должно какія основательныя причины имѣть, которыя, во-первыхъ, я потщусь открыть, а потомъ показать и самую исторію, какъ нравы часть отъ часу повреждались, даже какъ дошли до настоящей развратности.

Стеченіе многихъ страстей можетъ произвести такое поврежденіе нравовъ, а однако главнѣе изъ сихъ я почитаю сластолюбіе, ибо оно рождаетъ разныя стремительныя хотѣнія, а дабы достигнуть до удовольствія оныхъ, часто человекъ ничего не щадитъ. Въ самомъ дѣлѣ, человекъ, предавшій себя весь своимъ беспорядочнымъ хотѣніямъ и обожа внутри сердца своего свои охудительныя страсти, мало уже помышляетъ о

законѣ Божіи, а тѣмъ меньше еще о узаконеніяхъ страны, въ которой живетъ. Имѣя себя одинаго въ виду, можетъ ли онъ быть сострадательнѣе къ ближнему и сохранить нужную связь родства и дружбы. А какъ государя считаетъ источникомъ, отъ коего можетъ получить такія награжденія, которыя могутъ дать ему способы исполнить свое сладострастіе, то привязывается къ нему, но не съ тою вѣрностію, каковую бы долженъ подданный къ самодержцу своему имѣть, но съ тѣмъ стремленіемъ, къ чему ведетъ его страсть, то-есть, чтобы угождать во всемъ государю, льстить его страстямъ и подвигнуть его награждать его. А таковыя расположенія не рождаютъ твердости; ибо можетъ ли тотъ быть твердъ, который всегда трепещетъ недостигнуть до своего предмету, и котораго твердость явнымъ образомъ отъ онаго удаляетъ. Юлій Цесарь, толь искусный въ познаніи сердець человѣческихъ, яко искусенъ въ военныхъ и политическихъ дѣлахъ, который умѣлъ побуждать вооруженныхъ противу его враговъ и побужденныхъ сердца въ себѣ обращать, не иное что во утверженію своея похищенной власти употребилъ, какъ большія награжденія, дабы введши чрезъ сіе сластолюбіе, къ нему, якобы во источнику раздаяній, болѣе людей привязались, не токмо всѣмъ своимъ поступкомъ изъясляя такия свои мысли, но и самыми словами единожды ихъ изъяснилъ. Случилось, что ему доносили нѣчто на Антонія и на Долабелу, якобы онъ ихъ долженъ опасаться, отвѣчалъ, что онъ сихъ, въ широкихъ и покойныхъ одеждахъ ходящихъ людей, любящихъ свои удовольствія и роскошь, никогда страшиться причины имѣть не можетъ. «Но сіи люди, продолжалъ онъ, которые о великолѣпности, ни о спокойствіи одеждъ не радятъ, сіи, иже роскошь презирають, и малое почти за излишнее считаютъ, каковы суть Бругусъ и Кассій, ему опасны, въ разсужденіи намѣреній его лишитъ вольности римской народъ». Не ошибся онъ въ семъ; ибо подлинно сіи его тридцати тремя ударами издыхающей римской вольности пожертвовали. И тако самый сей примѣръ и доказуетъ намъ, что не въ роскоши и сластолюбіи издыхающая римская вольность обрѣла себѣ защищеніе, но въ строгости нравовъ и въ умѣренности.

Отложя всѣ суровости, слѣдствія непросвѣщенія и скитающей жизни дикихъ народовъ, разсмотримъ ихъ внутреннія и

нейстребленныя. въ вліяніи природы въ сердце человѣческое добродѣтели. Худы-ли или хороши ихъ законы, они имъ строго послѣдуютъ; обязательства ихъ суть священны и почти не слышно, чтобъ когда кто супругѣ или ближнему измѣнилъ; твердость ихъ есть невѣроятна: они за честь себѣ считаютъ не токмо безъ страху, но и съ презрѣніемъ мученей умереть; щедрость ихъ похвальна, ибо все, что общество трудами своими приобретаетъ, то все равно въ обществѣ дѣлится, и нигдѣ я не нашелъ, чтобы дикіе странствующіе и непросвѣщенные народы похитили у собратій своихъ плоды собственныхъ своихъ трудовъ, дабы свое состояніе лучше другихъ сдѣлать. А все сіе происходитъ, что нѣсть въ нихъ и не знаютъ они сластолюбія, слѣдственно и никакого желанія, клонящагося въ ущербъ другому, а къ пользѣ себѣ имѣть не могутъ.

Довольно я уже показалъ, что источникъ поврежденія есть сластолюбіе; приступлю тапериче показывать, какими степенями достигло оно толико повредить сердца моихъ одноземцевъ. Но дабы говорить о семъ, надлежитъ сперва показать состояніе нравовъ россіянь до царствованія Петра Великаго.

II.

Не токмо подданные, но и самые государи наши жизнь вели весьма простую; дворцы ихъ были необширны, яко свидѣлствуютъ оставшіяся древнія зданія. Семь или восемь, а много десять комнатъ составляли уже довольное число для вмѣщенія государя. Оныя состояли: вѣстовая, она же была и аудіенцъ-камера, ибо тутъ приходили и ожидали государя бояре и другіе сановники; столовая, гораздо меньшая, ибо по разряднымъ книгамъ видимъ, что весьма малое число бояръ удостоивалось имѣть честь быть за столомъ у государя; а для какихъ великолѣпныхъ торжествъ была назначена грановитая палата. Не знаю я, была ли у государей предспальня, но, кажется, по расположенію старыхъ дворцовъ, которые я запомню, ей быть надлежало. Спальня, и оныя были не разныя съ царицами, но всегда одна. За спальнею были покои для дѣвушекъ царицыныхъ и обыкновенно она была одна, и для малолѣтнихъ дѣтей царскихъ, которыя по два и по три въ одной комнатѣ жывали; когда же возрастали, то давались имъ особливые покои, но и оны не больше состоя-

ли, какъ изъ трехъ комнатъ, то-есть: крестовой, спальни и заспальной комнаты. Самые дворцы сіи большихъ украшеній не имѣли, ибо стѣны были голыя и скамьи стояли покрыты кармазиннымъ сукномъ, а изыскуемое было великолѣпіе, когда дурною рѣзною работою вокругъ двери были сдѣланы украшенія, стѣны и своды вымазаны иконописнымъ письмомъ, образами святыхъ, или такъ цвѣты на подобіе арабеска; а есть ли было нѣсколько орѣховыхъ стульевъ или кресель для царя и царицы, обитыхъ сукномъ или трипомъ, то сіе уже высшая степень великолѣпія была. Кроватей съ занавѣсами не знали, но спали безъ занавѣсокъ. А уже въ послѣднія времена токмо, яко знатное великолѣпіе было, что обили въ царскомъ домѣ крестовую палату золотыми кожами, которую палату, бывшую возлѣ краснаго крыльца, я самъ помню съ почернѣлыми ея обоями.

Столъ государевъ соотвѣтствовалъ сей простотѣ, ибо хотя я точно утвердить и не могу, чтобы государи кушивали не на серебрѣ, но потому, что въ мастерской палатѣ не вижу порядочнаго сервиза серебрянаго, заключаю, что тогда государи кушивали на оловѣ; а серебряныя блюда и сдѣланныя горы, на подобіе Синайскихъ, также и другія столовыя украшенія употреблялись токмо въ торжественные дни.

Кушанье ихъ сходственно съ тѣмъ же было; хотя блюда были многочисленны, но они всѣ состояли изъ простыхъ вещей. Говядина, баранина, свинина, гуси, куры индѣйскія, утки, куры русскія, тетерева и поросята были довольны для составленія великолѣпнѣйшаго стола, съ прибавленіемъ множества пирожнаго, не всегда изъ чистой крупчатой муки сдѣланнаго; телятину мало употребляли, а поеныхъ телятъ и кашлуновъ и не знали. Высочайшее же великолѣпіе состояло, чтобы кругъ жаренаго и ветчины обернуть золотою бумагою, мѣстами пироги раззолотить и подобное. Потомъ не знали ни каперцовъ, ни оливковъ, ни другихъ изготвленій для побужденія аппетита, но довольствовались огурцами солеными, сливами, и наконецъ за великолѣпіе уже считалось подать студень съ солеными лимонами.

Рыбный столъ еще тощѣ мясного былъ. Садковъ купеческихъ было очень мало и не имѣли искусства изъ дальнихъ мѣстъ дорогую живую рыбу привозить, да къ тому же госуда-

ревъ дворъ былъ не на подрядѣ, но изъ волостей своихъ всѣмъ довольствовался. И тако въ Москвѣ; гдѣ мало состояло обильство рыбы, довольствовался тою тою рыбою, которую въ Москвѣ-рѣвѣ и въ ближнихъ рѣкахъ ловили, а какъ происходилъ чувствительный недостатокъ въ столѣ государевомъ, то, сего ради, какъ въ самой Москвѣ, такъ и по вѣмъ государевымъ селамъ сдѣланы были пруды, изъ которыхъ ловили рыбу про столъ государевъ; впрочемъ же употребляли соленую, привозя изъ городовъ, изъ которыхъ на многіе, гдѣ есть рыбныя ловли, и въ дань оная была положена, какъ мнѣ случалось самому видѣть въ Ростовѣ грамоты царскія о сей дани. А зимою привозили и изъ дальнихъ мѣстъ рыбу мерзлую и засолную, которая въ столу государей употреблялась.

Десертъ ихъ таковой же простоты былъ; ибо изюмъ, коринна, винныя ягоды, черносливъ и медовыя постилы составляли оный, что касается до сухихъ вещей. Свѣжія же особливо лѣтомъ и осенью, были: яблоки, груши, горохъ, бобы и огурцы; а думаю, что дынь и арбузовъ и не знали, развѣ когда нѣсколько арбузовъ привезутъ изъ Астрахани. Привозили еще виноградъ въ патокѣ, а свѣжаго и понятія не имѣли привозить, ибо оный уже на моей памяти, въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, тщаніями Ивана Антоныча Черкасова, кабинетъ-министра, началъ свѣжіи привозиться.

Для толь малаго числа покоевъ немного бы освѣщенія надобно; но и тутъ нетоко не употребляли, но и за грѣхъ считали употреблять восковыя свѣчи, а освѣщены были комнаты сальными свѣчами, да и тѣхъ не десятками или сотнями поставляли, а велика уже та комната была, гдѣ четыре свѣчи на подсвѣчникахъ поставлялись.

Напитки состояли: квась, кислы щи, пиво и разные меды и изъ простого вина сдѣланная водка; вина — церковное, то-есть красное ординарное вино, ренское, подъ симъ именемъ разумѣлся нетоко рейнвейнъ, но также и всякое бѣлое ординарное вино; романея, то-есть греческія сладкія вина, и алибантъ, которые чужестранные напитки съ великою бережливостію употребляли, и погреба, гдѣ они содержались, назывались фряжскіе, потому что, какъ первыя оныя, а паче греческія получа-

лись чрезъ франговъ, а другія знали, что изъ Франціи идутъ, то общее имя имъ и дали фряжскихъ винъ.

Таковъ былъ столъ государевъ въ разсужденіи ешанья и напитки; посмотримъ, какіе были ихъ экипажи. Государи и всѣ бояре лѣтомъ ѣзжали всегда верхомъ, а зимою въ открытыхъ саняхъ, но въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ находимъ по лѣтописамъ, что въ случаѣ болѣзни, когда государь въ походѣ занеможетъ, то также сани употребляли и лѣтомъ. И правда, что въ верховой ѣздѣ государственной великое было великолѣпіе, яко видно по оставшимся конскимъ уборамъ, хранящимся въ мастерской палатѣ. Арчаги сѣдла были съ каменьями, стремена золотыя или съ каменьями, муштуки также драгоценными камнями были покрыты; подушки бархатныя, шитыя или золотомъ, или серебромъ, или и низаны жемчугомъ, съ запонами драгоценныхъ камней; попоны тому же великолѣпію подобныя, бархатныя или аksamетныя золотыя, съ шитьемъ или съ низаньемъ, и съ каменьями. Но сіе азіатское великолѣпіе неубытошно было, ибо сдѣланные единожды таковыя уборы на многія столѣтія могли служить.

Царицы же ѣзжали обыкновенно въ колымагахъ, родъ каретъ, сдѣланныхъ снаружи на подобіе фурмановъ, гдѣ не было ни мѣста чтобы сидѣть, ни окошекъ, но вляли внутрь пуховики для сидѣнья, а вмѣсто нынѣшнихъ драгоценныхъ точеныхъ стеколъ, опускающаюся кожею окошки и двери закрывали. Не могли такія коляски удобны быть ни въ какому украшенію, ибо снаружи онѣ всѣ обиты были кожею, а верхъ великолѣпія въ дѣланіи оныхъ состоялъ, чтобы наружную кожу мѣстами позолоченую и тисненную употребить. Каретъ же нетоѣмо не знали, но и воображенія о нихъ не имѣли, ибо уже и въ царствованіе Петра Великаго, ближній мой свойственникъ, бояринъ К. Михайло Ивановичъ Лыковъ, человекъ пребогатый, бывши воеводою у города Архангельскаго, выписалъ орѣховую, украшенную рѣзбою, карету, съ точеными стеклами. По смерти его сія карета досталась дѣду моему и почиталась толь завидною и драгоценною вещью, хотя и снова тысячи рублей не стоила, что К. М. (князь Меншиковъ?) дѣлалъ нападки на дѣда моего, чтобы ее получить, и за неотданіе учинилъ, что дѣдъ мой лишился всѣхъ недвижи-

ныхъ имѣній, которыя бы надлежало ему наследовать послѣ супруги К. Лыкова.

Возьримъ теперь на одежды царскія. Онѣ были великолѣпны. Въ торжественныхъ ихъ одѣяніяхъ злато, жемчугъ и каменья повсюдова блистали; но обыкновенныя одежды, въ воихъ болѣе наблюдали спокойствіе, нежели великолѣпіе, были просты, а потому не могли быть причиною сластолюбія, а торжественныя толь рѣдко употреблялись и толь крѣпки были, что ихъ за носильныя одежды и почитать не должно, но были они, яко какіе коронныя сосуды, опредѣленные токмо для показанія великолѣпія монарша; и если не самыя одежды, то, по крайней мѣрѣ, украшенія ихъ, бывъ содѣланы изъ золотыхъ бляхъ, жемчугу и камней, изъ рода въ родъ переходили. Но общимъ образомъ сказать, не было никакихъ ни изысканныхъ и тлѣнныхъ украшеній, ни великаго числа платей, но пять или шесть, а много до десяти платьевъ когда имѣлъ царь или царица, то уже довольно считалось, да и тѣ нашивали до износу, развѣ изъ особенной милости кому плеча своего платье пожалуютъ.

Главней же роскошь въ царскихъ обыкновенныхъ платьяхъ состоялъ въ драгоценныхъ мѣхахъ, которые они для подкладки и на опушку одѣяній своихъ употребляли; но мѣха сіи некупленные и не изъ чуждыхъ государствъ привезенныя были, но дань, собираемая съ сибирскихъ народовъ. Впрочемъ, царицы имѣли обычай носить длинныя, тонкія полотнянныя у сорочекъ рукава, которыя на руку набирали, и сіи были иногда толь длинны, что даже до двадцати аршинъ полотна въ нихъ употреблялось.

Се есть все, что я могъ собрать о родѣ житія, выѣзду и одежды царской, а сіе самое и показываетъ, кокая простота во всемъ ономъ находилась. Бояре и прочіе чиновники, по мѣрѣ ихъ состоянія, подобную же жизнь вели, стараяся притомъ, изъ почтенія къ царскому сану, никогда и къ простому сему великолѣпію не приближаться. А болѣе всего сохраняло отъ сластолюбія, что ниже имѣли понятія о перемѣнѣ модъ, но что дѣды нашивали, то и внучата, не почитаясь староманерными, носили и употребляли. Бывали у бояръ златотканныя, богатныя одѣянія, которыя просто золотами называли, и неизнако надѣвали, когда для какого торжественнаго случая повелѣно имъ было въ золотахъ во дворѣ собираться; а носему сіи одежды имъ на долго

служили, и я заводилно слышалъ, что не стыдились и сыновья, по кончинѣ родителей своихъ, тоже платье носить. Однако нѣсть никакого общества, кудабы великолѣпіе и роскошь не вѣрадывались, то, конечно кажется мнѣ, главное великолѣпіе состояло у бояръ имѣть великое число служителей. Великолѣпіе, можетъ статься, до излишности доведешное, но въ самомъ дѣлѣ основанное на нуждѣ, ибо бояре съ людьми своими хаживали на войну, и оны обще и воиновъ государственныхъ и защитниковъ въ опасномъ случаѣ своимъ господамъ были. Но въ мирное время за честь себѣ бояре считали, когда ѣдетъ по городу, чтобы ему предшествовали человекъ пятьдесятъ слугъ пѣшками; слышадъ я, что и самыя боярыни, нѣтъмо куда въ знатное помѣщеніе, но ниже къ обѣдни, къ своему приходу, стыдились безъ предшествованія двадцати или тридцати слугъ ѣхать. Однако содержаніе сихъ слугъ недорого стоило: давали имъ пищу и весьма малое на сапоги жалованье, а въ прочемъ они содержались своимъ искусствомъ, дома носили сѣрые сермяжные кафтаны, а при выѣздѣ господина или госпожи, каковой у кого лучше кафтанъ сыщется, ибо тогда ливрѣи не знали; и я самъ запомню, что безъ гостей званныхъ во всѣхъ домахъ лакеи ливрен не надѣвали, а употребленные къ должностямъ люди, которыхъ бывало мало, носили такіе кафтаны, какіе случится.

Остается мнѣ еще сказать, что не было тогда ни единого, кто бы имѣлъ открытый столъ; но развѣ ближніе самыя родственники безо зву куда обѣдать ѣздили, а посторонніе инаво не ѣзжали, кромѣ тогмо званые, и могли сидѣть поутру до часа обѣденнаго, а вечеру до ужина, не бывъ уняты обѣдать или ужинать.

Таковыя обычаи чинили, что почти всякій по состоянію своему безъ нужды могъ своими доходами проживать и имѣть все нужное, не простирая къ лучшему своего желанія, ибо лучше нигто и не зналъ. А къ тому же воспитаніе въ набожии, хотя иногда дѣлало иныхъ суевѣрными, но влагало страхъ закона Божія, который утверждался въ сердцахъ ихъ ежедневною домашнею божественною службою. Не было разныхъ, для увеселенія сочиненныхъ, книгъ и тако скука и уединенная жизнь заставляла читать божественное писаніе и паче въ вѣрѣ утверждаться. Правленіе деревень занимало большую часть время, а сіе правленіе

влекло за собою разсмотрѣніе разныхъ крѣпостей и заведенныхъ разныхъ приказныхъ дѣлъ, которые понуждали вникнуть въ законеніи государства, и за честь себѣ считали младше люди хаживать сами вездѣ, какъ я въ родѣ своемъ имѣю примѣры, что князь Дмитрій Ѳеодоровичъ Щербатовъ хаживалъ не токмо по своимъ дѣламъ, но и по чужимъ, и толь учинился благоразуміемъ своимъ знаемъ боярину князю Ѳеодору Ѳеодоровичу Волконскому, что сей, хотя князь Щербатовъ, по причинѣ разоренія дому его, купно съ убіеніемъ дѣда его Саввы.....*) Щербатова отъ самозванца Отрепьева, и въ бѣдности находился, однако сей бояринъ, человекъ весьма богатый, дочь свою и наслѣдницу своего имѣнія за него отдалъ, и князь Иванъ Андреичъ Щербатовъ, который послѣ былъ министромъ въ Гипшаніи, Цареградѣ и Англии, а наконецъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и ордена св. Александра Нейскаго кавалеромъ, по своимъ дѣламъ въ молодости своей вездѣ хаживалъ.

Почтеніе къ родамъ умножало еще твердость въ сердцахъ нашихъ предковъ; безпрестанные суды мѣстничества питали ихъ гордость; пребываніе въ совокупленіи умножало связь между родовъ и содѣловало ихъ безопасность что твердое предпріять, а тогда же и налогало узду, кому что недостойное имени своего содѣлать; ибо безчестіе одного весь родъ того имени себѣ считалъ. А сіе нетокмо молодыхъ людей, но и самыхъ престарѣлыхъ въ ихъ должности удерживало. Благородной гордости боярмы многіе знаки обрѣтаемъ. Князь Симскій Хабаровъ, бывъ принуждаемъ уступить мѣсто Малютѣ Скуратову, съ твердостію отрекся, и когда царемъ Іоанномъ Васильевичемъ осужденъ былъ за сіе на смерть, послѣднюю милость себѣ просилъ, чтобъ прежде его два сына его были умерщвлены, яко бывъ люди молодые, ради страха гоненія и смерти, чего недостойнаго роду своему не учинили. Князь Михайло Петровичъ Репнинъ лучше восхотѣлъ претерпѣть гнѣвъ царя Іоанна Васильевича, и наконецъ убіеніе, нежели сообщникомъ учиниться распутныхъ его забавъ. Соединеніе же родовъ толь твердо было, что ни строгій обычай царя Іоанна Васильевича, ни казни не могли возбранить, чтобъ, совокупясь многими родами, не просили у сего государя пощады своимъ родственникамъ и свойственникамъ, осужденнымъ на казнь, и бралися быть поруками впредь за поступки

того, яко свидѣтельствуютъ сіе многія сохраненныя грамоты въ архивѣ иностранной коллегіи, гдѣ таковыя поручныя подписи есть. И дѣдъ мой, князь Юрья Ѳедоровичъ Щербатовъ, не устранился у разгнѣваннаго государя, Петра Великаго, по царевичеву дѣлу, за родственника своего, ведомаго на казнь, прощеніе просить, прося, что если не учинено будетъ милосердіе, дабы его самого, въ старыхъ лѣтахъ сущаго, лишитъ жизни, да не увидятъ очи его безчестія роду и имени своего, и пощаду родственнику своему испросилъ.

Такая тѣсная связь между родовъ обуздывала страсти юношей, которые не токмо бывъ воспитываемы въ совершенномъ почтеніи и безпрекословномъ повиновеніи къ ихъ родителямъ, обяваны были почитать всѣхъ старшихъ своего рода и въ нихъ обрѣтали строгихъ надзирателей своихъ поступковъ такъ, какъ защитниковъ во всякомъ случаѣ. Самые, еще хотя мало остающіеся, обычай нынѣ сіе свидѣтельствуютъ, которые въ младости моей помню, яко священные законы хранились, чтобъ молодые люди каждый праздникъ приѣзжали по утрамъ къ ихъ старшимъ родственникамъ для изъявленія почтенія ихъ, и чтобъ ближніе родственники и свойственники съѣзжались загавливаться и разгавливаться къ старшему.

Самые самовластнѣйшіе государи принуждены иногда бывають поспѣдовать умоначертанію своего народа; такъ наши государи и поспѣдовали утверждать сіи обычай, не токмо снисходя на просьбы благородныхъ, но также производя, предпочтительно предъ другими, изъ знатнѣйшихъ родовъ, и мы находимъ въ родѣ князей Репниныхъ, что многіе изъ стольниковъ, миновавъ чинъ окольничаго, прямо въ бояре были жалованы. Преимущество сіе, часто и младымъ людямъ учиненное, могло бы подать причину подумать, что оное обращалось въ обиду другимъ; но сего не было, ибо не по однимъ чинамъ тогда благородныхъ почитали, но и по рожденіямъ ихъ, и тако чины давали токмо должности, а рожденіе приобретало почтеніе.

Въ возмездіе за такое снисхожденіе государей получали они, что находили въ благородныхъ—вѣрныхъ, усердныхъ и твердыхъ слугъ. Потщуся я нѣсколько мнѣ извѣстныхъ примѣровъ предложить. Аеонасій Нагой, бывъ посломъ въ Крымъ и многое претерпѣвая отъ наглостей крымскихъ, хотя выбиваемъ былъ

ханомъ изъ Крыму, чувствуя нужду его пребыванія въ семь полуостровѣ, объявилъ, что онъ развѣ связанный будетъ вывезенъ изъ Крыму, а безъ того не поѣдетъ, хотя бы ему смерть претерпѣть. Князь Борисъ Алексѣичъ Голицынъ предпочелъ сохраненіе здоровья государева возвышенію своего рода, спасъ Петра Великаго во младенчествѣ, и винному родственнику своему пощадъ живота испросилъ. Прозоровской, во время трудныхъ обстоятельствъ начала швецкія войны, соблюлъ великое число казны и государственныя вещи, повелѣнныя государемъ иломать и перебить въ монету, утайлъ, давъ вмѣсто ихъ собственное свое серебро, и, при благополучнѣйшихъ обстоятельствахъ, когда государь самъ сожалѣлъ о истребленіи сихъ вещей, цѣлыя, не желая никакого возмездія, возвратилъ. Борисъ Петровичъ Шереметевъ судъ царевичевъ не подписалъ, говоря, что «онъ рожденъ служить своему государю, а не кровь его судить» и не утратился гнѣва государева, которой нѣсколько времени на него былъ, яко внутренне на доброжелателя несчастнаго царевича. Князь Яковъ Федоровичъ Долгоруковъ, многія дѣла, государемъ подписанныя, останавливалъ, дая ему всегда справедливыя совѣты, и гнѣвъ государской за частое его противоборство воли его, на почтеніе обращалъ; а тѣмъ открывалъ путь обще и въ славѣ своего государя и къ блаженству народному. Сіи были остатки древняго воспитанія и древняго правленія.

III.

Возвремъ же теперь, какія перемѣны учинила въ насъ нужная, но, можетъ быть, излишняя перемѣна Петромъ Великимъ, и какъ отъ оныхъ пороки зачали вкрадываться въ души наши, даже какъ, царствованіе отъ царствованія, они, часть отъ часу, вмѣстѣ съ сластолюбіемъ возрастая, дошли до такой степени, какъ выше о нихъ упомянулъ. Сіе сочинить вѣрно исторію правленій и пороковъ.

Петръ Великій, подражая, чужестраннымъ народамъ, не токмо тщился ввести познаніе наукъ, искусствъ и ремеслъ, военное порядочное устроеніе, торговлю и приличнѣйшія узаконенія въ свое государство, также старался ввести и таковую люцеость, сообщеніе и великолѣпіе, о коемъ ему сперва Лефортъ натвер-

дѣль, а потомъ которое и самъ онъ усмотрѣлъ. Среди нужныхъ установленій законодательства, учрежденія войскъ и артиллеріи, не меньше онъ прилагалъ намѣреніе являющіеся ему грубыя древніе нравы смягчить. Повелѣлъ онъ бороды брить, отмѣнилъ старинныя русскія одѣянія, и вмѣсто длинныхъ платьевъ заставлялъ мужчинъ нѣмецкіе кафтаны носить, а женщинъ, вмѣсто тѣлогрѣй — бостроги, юбки, шлафорки и самары, вмѣсто подколдовъ — фонтанжами и корнетами голову украшать. Учредилъ разныя собранія, гдѣ женщины, до сего отдаленныя отъ сообщенія мужчинъ, вмѣстѣ съ ними при веселіяхъ присутствовали. Приятно было женскому полу, бывшему почти до сего невольницами въ домахъ своихъ, пользоваться всѣми удовольствіями общества, украшать себя одѣяніями и уборами, умножающими красоту лица ихъ и оказующими ихъ хорошій станъ; не малое же имъ удовольствіе учинило, что могли прежде видѣть съ вѣмъ на вѣкъ должны совокушиться, и что лица жениховъ ихъ и мужей уже непокрыты стали волочими бородами. А съ другой стороны приятно было молодымъ и незаматерѣлымъ въ древнихъ обычаяхъ людямъ вольное обхожденіе съ женскимъ поломъ, и что могутъ напередъ видѣть и познать своихъ невѣстъ, на которыхъ прежде, повѣря взору родителей ихъ, женивались. Страсть любовная, до того почти въ грубыхъ нравахъ незнаемая, начала чувствительными сердцами овладѣвать, и первое утвержденіе сей перемѣны отъ дѣйствія чувствъ произошло. А сіе самое и учинило, что жены, до того нечувствующія своей красоты, начали силу ея познавать, стали стараться умножать ее пристойными одѣяніями и болѣе предковъ своихъ распростерли роскошь въ украшеніи. О, коль желаніе быть приятной дѣйствуетъ надъ чувствіями женъ. Я отъ вѣрныхъ людей слышалъ, что тогда въ Москвѣ была одна только уборщица для волосовъ женскихъ, и ежели въ какому празднику когда должны были молодыя женщины убираться, тогда случалось, что она за трои сутки нѣкоторыхъ убирала, и онѣ принуждены были до дня выѣзда сидя спать, чтобы убору не испортить. Можетъ быть сему не повѣрять нынѣ, но я наиподтверждаю, что я сіе отъ толь вѣрныхъ людей слышалъ, что въ семъ сумнѣваться не должно. Если страсть быть приятной таковое дѣйствіе надъ женами производила, не могла она не имѣть дѣйствія и надъ мужчинами, хотящими имѣ

угоднымъ быть, то тоже тщаніе украшеній ту же роскошь рождало. И уже престаи довольствоваться однимъ или двумя длинными платьями, но многія съ галунами, съ шитьемъ и съ пондеспанами дѣлать начали.

Когда самъ государь ни держался древней простоты нравовъ въ своей одеждѣ, такъ что кромѣ простыхъ кавтановъ и мундировъ никогда богатыхъ не нашивалъ, и токмо для коронаціи императрицы Екатерины Алексѣевны, своей супруги, сдѣлалъ голубой гродетуровой кавтанъ съ серебрянымъ шитьемъ; да, всказываютъ, еще у него былъ другой кавтанъ дивій съ золотымъ шитьемъ, не знаю, для какого знатнаго же случая сдѣланный. Прочее все было такъ просто, что и бѣднѣйшій человекъ нынѣ того носить не станетъ, какъ видно по оставшимъ его одеждамъ, которыя хранятся въ куншъ-камерѣ при императорской академіи наукъ. Манжеты онъ не любилъ и не нашивалъ, яко свидѣтельствуютъ его портреты; богатыхъ экипажей не имѣлъ, но обыкновенно ѣзжалъ въ городъ въ одноколеѣ, а въ дальнемъ пути въ качалѣ. Множества служителей и придворныхъ у него не было, но были у него деньщики, и даже караулу, кромѣ какъ полковника гвардіи, не имѣлъ. Однако при такой собственно особѣ его простотѣ, хотѣлъ онъ, чтобы подданные его нѣкоторое великолѣпіе имѣли. Я думаю, что сей великій государь, который ничего безъ дальновидности не дѣлалъ, имѣлъ себѣ въ предметѣ, чтобъ великолѣпіемъ и роскошію подданныхъ побудить торговлю, фабрики и ремесла, бывъ увѣренъ, что при жизни его, излишнее великолѣпіе и сластолюбіе не утвердитъ престола своего при царскомъ дворѣ *). И тако мы находимъ, что онъ побуждалъ нѣкоторое великолѣпіе въ платьяхъ, какъ видимъ мы, что во время торжественнаго входу, послѣ взятія Азовскаго, генераль-адмиралъ Лефортъ шелъ въ красномъ кафтанѣ съ галунами по швамъ и другіе генералы также богатые кафтаны имѣли, ибо тогда генералы мундировъ ненашивали. Богатые люди, изъ первосановниковъ его двора, или которые благодѣяніями его были обогащены, какъ Трубецкіе, Шереметевъ и Меншиковъ, въ торжественные дни уже старались богатя имѣть платья. Парчи и галуны стали какъ у женъ, такъ

*) Слѣдующія слова въ подлинникѣ зачеркнуты: «до тѣхъ мѣстъ никогда оно въ подданныхъ до излишности не дойдетъ».

и у мужей во употребленіи, и хотя нечасто таковыя платья надѣвали, моды хотя долго продолжались, однако онѣ были, и по достатку своему оны уже ихъ чаще, нежели при прежнихъ обычаяхъ дѣлали. вмѣсто саней и верховой ѣзды и вмѣсто колымагъ, нетерпящихъ украшеній, появились уже кареты и коляски; начались уже цуги, которыхъ до того не знали и различные украшенія къ симъ экипажамъ. Служители передѣты на нѣмецкій манеръ, не въ разноцвѣтныхъ платьяхъ стали наряжаться, но каждый по гербу своему или по изволенію дѣлалъ имъ ливреи, а офисьянты, которыхъ тогда еще весьма мало было, еще въ разноцвѣтныхъ платьяхъ ходили *).

Касательно до внутренняго житія, хотя самъ государь довольствовался самою простою пищею, однако онъ ввелъ уже въ употребленіе прежде незнаемыя въ Россіи напитки, которые предпочтительно другимъ пивалъ, то-есть, вмѣсто водки домашней, сиженной изъ простаго вина, водку голландскую анисовую, которая привазной называлась, и вины: ермитажъ и венгерское, до того незнаемыя въ Россіи.

Подражали ему его и вельможи и тѣ, которые близко были ко двору, да и въ самомъ дѣлѣ надлежало имъ сіе имѣть, ибо государь охотно подданныхъ своихъ посѣщалъ, то подданный чего для государя не сдѣлаетъ. Правда, сіе не токмо ему было угодно, но, напротиву того, онъ часто за сіе гнѣвался, и не токмо изъ простаго вина подслащенную водку, но и самое простое вино пивалъ; но и собственное желаніе удовольствія, до того имъ незнаемаго, превозмогло и самое запрещеніе государево, дабы послѣдовать его вкусу. Уже въ домахъ завелися не токмо анисовая привазная водка, но и гданскія, вины не токмо старинныя, о коихъ выше помянулъ, но также ермитажъ, венгерское и нѣкоторые другія. Правда, что еще ихъ сначала весьма бережливо подавали, и въ посредственныхъ домахъ никогда въ обыкновенные столы употребляемы не были, но токмо во время праздниковъ и пиршествъ, да и тутъ не стыдились, принесши четвертную или сулею запечатанную и наливъ изъ нея по рюмкѣ, опять запечатавъ, на погребъ отослать.

*) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «Тако вельможи начали въ водить сластолюбие, благопристойность, спокойствіе грацкой жизни, и наконецъ сластолюбие, и...»

**) Зачеркнуто: «простой».

Ред.

Однако, хотя самъ не любилъ и не имѣлъ времени при дворѣ своемъ дѣлать пиршествъ, то оставилъ сіе любимцу своему, князю Меншикову, который часто оные, какъ въ торжественные дни, такъ и для чужестранныхъ министровъ съ великимъ великолѣпьемъ, по тогдашнему времени, чинилъ. Имѣлъ для сего великій домъ, не токмо на то время, но и въ нынѣшнѣе, ибо въ оный послѣ кадетскій сухопутный корпусъ былъ помѣщенъ, и слыхалъ я, что часто государь, видя изъ дворца своего торжество и пиршество въ домѣ его любимца, чувствовалъ удовольствіе, говоря, вотъ какъ Данилычъ веселится. Равно ему подражая, такъ и бывъ обязаны самими своими чинами, другіе первосановники имперіи такъ же имѣли открытые столы, какъ генераль-адмиралъ графъ Федоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, генераль-фельдмаршалъ графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, канцлеръ графъ Гаврила Ивановичъ Головкинъ, и бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрешневъ, которому, поелику онъ оставался первымъ правителемъ имперіи во время отсутствія въ чужіе края императора Петра Великаго, на столъ и деревни были даны.

Симъ знатымъ людямъ и низшіе подражая, уже во многихъ домахъ открытые столы сіи завелися и столы не такіе, какъ были старинные, то-есть, что токмо произведенія домостройства своего употреблялись, но уже старались чужестранными приправами придать вкусъ добротѣ мясъ и рыбѣ. И конечно въ такомъ народѣ, въ коемъ страннопріимство сочиняло всегда отличную добродѣтель, не трудно было въ вестись въ обычаи такихъ открытыхъ столовъ употребленіе; что соединяясь и съ собственнымъ удовольствіемъ общества, и съ лучшимъ вкусомъ бушанья противу стариннаго, самымъ удовольствіемъ утверждалось.

Не непріятель былъ Петръ Великій честному обществу, но хотѣлъ, чтобъ оно безъубыточно каждому было. Онъ учредилъ ассамблеи, на которыя въ назначенные дни множество собиралось. Но симъ ассамблеямъ предписалъ печатными листами правила, что должно на столъ поставлять, и какъ принимать приѣзжихъ, симъ упреждая и излишнюю роскошь и тягость вышнихъ себѣ принимать; ибо общество не въ обжираніи и опиваніи состоитъ и не можетъ оно быть пріятно, гдѣ нѣтъ равности.

Самъ часто государь присутствовалъ въ сихъ ассамблеяхъ и строго наблюдалъ, чтобы предписанное исполнялось.

Но слабы были сіи преграды, когда вкусъ, естественное сластолюбіе и роскошь стараются поставленную преграду разрушить, и гдѣ неравность чиновъ и надежда получить что отъ вельможъ, истребляютъ равность. Съ присутствіемъ государевомъ учиненныя имъ предписанья сохранялись въ ассамблеяхъ, но въ простомъ житьѣ роскошь и униженіе утверждали свои корни.

И подлинно мы видимъ, что тогда зачали уже многіе дома упадать, и упадающіе ожидать отъ милости государской и отъ защищенія вельможъ своего подрѣшленія. Изъ первыхъ значныхъ домовъ, мнѣ случалось слышать о упавшемъ домѣ князя Ивана Васильевича Одоевскаго, котораго домъ былъ на Тверской, тотъ самый, который послѣ сего былъ Василя Федоровича Салтыкова, потомъ Строгонова, а нынѣ за князь Алексѣемъ Борисовичемъ Голицынымъ состоитъ, въ приходѣ у Спаса. Сей князь Одоевскій неумѣреннымъ своимъ сластолюбіемъ такъ разорился, что продавъ всѣ деревни, оставилъ себѣ токмо нѣкоторое число служителей, которые были музыканты и сіи, ходя въ разныя мѣста играть и получая плату, тѣмъ остальное время жизни его содержали. Во истину, при древней простотѣ нравовъ, музыканты не нашли бы довольно въ упражненіи своемъ прибыли, чтобы и себя и господина своего содержать.

Я сказалъ о семъ князѣ Одоевскомъ, яко о разорившемся человѣкѣ, но и многіе другіе, естли не въ разореніе отъ сей переменны жизни пришли, то по крайности чувствовали немалую нужду. Дабы умолчать о прочихъ, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, фельдмаршалъ, именитый своими дѣлами, обогащенный милостію монаршею, принужденъ однако былъ впередъ государево жалованье забирать, и съ долгомъ симъ скончался, яко свидѣтельствуется самая его духовная. И послѣ смерти жена его подавала письмо государю, что она отъ исковъ и другихъ убытковъ пришла въ разореніе.

Переменившійся такимъ образомъ родъ жизни, вначалѣ первосановниковъ государства, а въ подражанія ихъ и другихъ дворянъ, и расходы достигши до такой степени, что стали доходы

превозвышать, начали люди наиболѣе привязываться къ государю и къ вельможамъ, яко ко источникамъ богатства и вознагражденей. Страшусь я, чтобы кто не сказалъ, что по крайней мѣрѣ сіе добро произвело, что люди наиболѣе къ государю стали привязываться. Нѣсть, сія привязанность нѣсть благо, ибо она не точно къ особѣ государственной была, но къ собственнымъ своимъ пользамъ; привязанность сія учинилась не привязанность вѣрныхъ подданныхъ, любящихъ государя и его честь и соображающихъ все съ пользою государства, но привязанность рабовъ наемщиковъ, жертвующихъ все своимъ выгодамъ и обманывающихъ лестнымъ усердіемъ своего государя.

Грубость нравовъ уменьшилась, но оставленное ею мѣсто лестью и самствомъ наполнилось. Оттуда произошло раболѣпство, презрѣніе истины, оболщеніе государя и прочія зла, которыя днесь при дворѣ царствуютъ и которыя въ домахъ вельможей воignздились. Не сокрылся сей порокъ отъ остроумнаго монарха и сей государь, строгъ и справедливъ до крайности, старался сколько можно лесть отгонять; яко случилось, какъ я слыхалъ, что одинъ изъ знаемыхъ ему офицеровъ, бывъ съ нимъ на асамблеѣ, выхвалялъ свое усердіе къ государю, говоря, что онъ во всякомъ случаѣ готовъ за него умереть. Услышавъ сіе, государь ему говорилъ, что ни онъ не желаетъ, ни должность его ему не повелѣваетъ, чтобъ онъ хотѣлъ, не разбирая случая, для него умереть, но требуетъ токмо того, чтобъ въ случаѣ нужды или опасности его особы, что не можетъ быть не соединено съ пользою государственною, онъ расположенъ былъ пожертвовать своею жизнію. Офицеръ, хотя наиболѣе показать свое усердіе, зачалъ паки утверждать, что онъ сіе готовъ учинить всякій часъ, когда угодно будетъ государю. Остроумный монархъ, ничего не отвѣчавъ, взявъ его руку, палець поднесъ къ горячей свѣчѣ и зачалъ его жечь; отъ боли офицеръ зачалъ силиться выдернуть руку. Тогда ее опуствя, сказалъ ему государь, что когда онъ малой боли обожженія пальца вытерпѣть не могъ, не по нуждѣ, но по волѣ государя, то какъ онъ толь щедро обѣщаетъ съ радостію и все тѣло свое безъ нужды пожертвовать?—Другой случай, слышанный же мною, доказуетъ, коль любилъ государь истинну. Захаръ Данилычъ Мешуковъ, бывший поручикомъ во флотѣ, прежде 1718 года, лю-

бывшій государемъ, яво первый русскій, въ которомъ онъ до-вольно знанія въ мореплаваніи нашель, и первый, который ко-мандоваль уже фрегатомъ. Бывъ на единомъ пиршествѣ съ го-сударемъ въ Кронштатѣ и напившись нѣсколько пьянъ, сталь размышлять о лѣтахъ государя, о оказуемцемся слабомъ его здоровьи и о наслѣдникѣ, какого оставляетъ, вдругъ заплакалъ. Удивился государь, возлѣ котораго онъ сидѣлъ, о текущихъ его слезахъ, любопытно спрашиваль причину оныхъ. Мешуковъ от-вѣтствовалъ, что онъ размышлялъ, что мѣсто, гдѣ они сидятъ, градъ столичный, близъ построенный, флотъ заведенный, мно-жество русскихъ, входящихъ въ мореплаватели, самый онъ, слу-жившій во флотѣ и ощущающій его милости,—суть дѣянія рукъ его; то, взирая на сіе и примѣчая, что здоровье его государя и благодѣтеля ослабѣваетъ, не могъ отъ слезъ удержаться, при-лагая притомъ простою рѣчью: «на кого ты насъ оставишь?» Отвѣтствовалъ государь: «у меня есть наслѣдникъ», разумѣя царевича Алексѣя Петровича. На сіе Мешуковъ съ-пьяна и не-осторожно сказалъ: «охъ! вить онъ глупъ, все разстроитъ».

При государѣ сказать такъ о его наслѣдникѣ, и сіе не тайно, но предъ множествомъ предсѣдающихъ. Что-жь сдѣлалъ государь? Почувствовалъ онъ вдругъ дерзость, грубость и истину и удо-вольствовался, усмѣхнувшись, ударить его въ голову, съ прило-женіемъ: «дуракъ, сего въ бесѣдѣ не говорятъ».

Но не взирая на таковое любленіе истины, ни на отвраще-ніе его ото лести, не могъ государь върадывающійся сей ядъ искоренить. Большая часть окружающихъ его ни въ чемъ не смѣли ему противурѣчить, но паче льстили, хваля все сдѣлан-ное имъ и не противурѣча его изволеніямъ, а иные и угождая страстямъ его. Хотя онъ знатнымъ образомъ никогда обмануть и не былъ, однако князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ никогда не нашель въ супротивленіяхъ своихъ государю въ се-натѣ себѣ помощниковъ. И тщетно онъ суровыми и справедли-выми своими предложеніями два опредѣленія, подписанныя го-сударемъ, отмѣнилъ, — о привозѣ на перемѣнныхъ лошадяхъ провіанту въ Петербургъ на армію, и о набраніи посохи на содержаніи народномъ для дѣланія Ладожскаго канала; въ обо-ихъ сихъ случаяхъ, ни въ другихъ, никто соучастникомъ его твердости и справедливости быть не хотѣлъ. Единый самъ го-

сударь терпѣль его грубыя, но справедливыя предложенія, и хотя съ стѣсненіемъ сердца, превозмогая себя, на оныя соглашался. Я слышалъ отъ очевидныхъ свидѣтелей и Василій Никитичъ Татищевъ въ исторіи своей сіе вмѣстилъ, что бывшій государь въ Кронштатѣ, въ единомъ пиршествѣ, окружающіе его вельможи начали превозносить его хвалами, говоря, что онъ болѣе отца своего. Между таковыхъ похвальныхъ воплей единый кн. Я. О. Долгоруковъ въ молчаніи пребывалъ. Примѣтя сіе, государь требовалъ его мнѣнія. Свѣ остроумный и твердый мужъ не могъ вдругъ отвѣтствовать на такой вопросъ, гдѣ состояло сужденіе между царствующаго государя и его отца, обоихъ отличныхъ ихъ качествами. Взявъ нѣсколько времени подумать, сказалъ слѣдующее: исчислилъ онъ все подробно, что Петръ Великій сдѣлалъ для пользы отечества, исчислилъ его труды и подвиги и наконецъ сказалъ, коль великъ онъ есть во владыкахъ земныхъ; но, продолжая, говорилъ: «всѣ сіи труды, всѣ сіи установленія не утверждаютъ еще внутренняго спокойствія государства и безопасность гражданскую въ жизни и въ имѣніяхъ; отецъ же твой, говорилъ, при тихости нравовъ, начиналъ много, но паче всего, что онъ сдѣлалъ уложеніе, которое нынѣ, по перемѣнѣ обычаевъ, перемѣны требуетъ. Когда окончишь ты. всѣ свои подвиги благими узаконеніями, тогда справедливо можно сказать, что весьма превзошелъ твоего отца». Государь возчувствовалъ всю справедливость его глаголовъ и согласіемъ своимъ мнѣніе его утвердилъ.

Чего-же ради никто другой ни въ бесѣдахъ, ни въ сенатѣ и нигдѣ индѣ таковой правды не говорилъ, какъ сей, безсмертія достойный, князь Долгоруковъ? Того ради, что они болѣе желали приобрѣсти милость государскую, нежели, говоря правду, его почтеніе. Желали чиновъ и имѣній, ибо въ самомъ дѣлѣ не видно, чтобы любимецъ его кн. Меншиковъ когда ему строгую правду представлялъ; чтобы Гаврила Ивановичъ Головкинъ, государственный канцлеръ, отвратилъ его отъ переписки съ Гилембургомъ, съ Герцогъ и съ аглинскими и шотланскими сообщниками претендента; но Остерманъ, бывший тогда въ маломъ чинѣ и написавшій требуемое письмо, несовмѣстность сего поступка представилъ; чтобы Иванъ Мусинъ-Пушкинъ его отъ какого дѣла удержалъ; чтобы адмиралъ Апраксинъ,

имѣющій толикую повѣренность, что вопреки сказалъ государю, но всѣ токмо согласіе свое изъявляли и впускали вкорениться лести и рабству для собственныхъ своихъ прибытковъ, чему и самъ государь и князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ противоборствовали. А съ другой стороны духовный чинъ, который его не любилъ за отнятіе своей власти, гремѣлъ въ храмахъ божіихъ его панегириками. Между сими Прокоповичъ, который изъ духовенства, хѳта нелюбви къ государю не имѣлъ, но былъ совершенно ослѣпленъ честолюбіемъ, яко въ другія царствованія ясно оказалъ, выспренный сей гласъ на хвалы государевы вознесъ. Достоинъ онъ былъ многихъ похвалъ, но желательно было бы, чтобы онъ не отъ лести происходилъ, а похвалы Прокоповича, сего непостриженного монаха, сего честолюбиваго архіерея, жертвующаго законъ изволеніямъ Бирона, сего, иже не устыдился быть судьей Тайной Канцеляріи, бывъ архипастыремъ церкви божіей, были лестны, яко свидѣтельствуемъ его собственное сочиненіе «Правда воли монаршей», памятникъ лести и подобострастія монашескаго изволенію государскому.

Сказалъ я, что сластолюбіе и роскошь могли такое дѣйствіе въ сердцахъ произвести; но были еще и другія причины, происходящія отъ самыхъ учрежденій, которыя твердость и добродравіе искоренили. Разрушенное мѣстничество (вредное впрочемъ службѣ и государству) и незамѣненное никакимъ правомъ знатнымъ родамъ, истребило мысли благородной гордости во дворянѣхъ; ибо стали не роды почтенны, а чины и заслуги и выслуги; и тако каждый сталъ добиваться чиновъ, а не всякому удастся прямыя заслуги учинить, то, за недостаткомъ заслугъ, стали стараться выслуживаться, всякими образами лстя и угождая государю и вельможамъ; а при Петрѣ Великомъ введенная регулярная служба, въ которую вмѣстѣ съ холопами ихъ писали на одной степени ихъ господъ въ солдаты и сіи первые, по выслугамъ, пристойнымъ ихъ роду людямъ, доходя до офицерскихъ чиновъ, учинялися начальниками господъ своихъ и бивали ихъ палками. Роды дворянскіе стали раздѣлены по службѣ такъ, что иной однородцевъ своихъ и вѣкъ не увидитъ. То могла ли остаться добродѣтель и твердость въ тѣхъ, которые съ юности своей отъ палки своихъ начальниковъ дрожали? которые инаево какъ подслугами почтенія не могли приобрѣсти, и бывъ

каждый без всякой опоры от своих однородцевъ, без соединенія и защиты, оставался одинъ, могущій преданъ быть въ руки сильнаго?

Похвально есть, что Петръ Великій хотѣлъ истребить суевѣрїи въ законѣ, ибо, въ самомъ дѣлѣ, не почтеніе есть Богу и закону суевѣрїе, но паче руганіе; ибо приписывать Богу неприличныя ему дѣянія—сіе есть богохулить. Въ Россіи бороду образомъ божіимъ почитали и за грѣхъ сѣтали ее брить, а чрезъ сіе впадали въ ересь антроморфитовъ. Чудеса, безъ нужды учиненныя, явленные образы, рѣдко доказанныя, повсюду прославляли, привлекали суевѣрное богомоліе, и дѣлали доходы обратнымъ священнослужителямъ. Все сіе Петръ Великій тщился отворатить: указами повелѣлъ брить бороды, а духовнымъ регламентомъ положилъ преграду ложнымъ чудесамъ и явленіямъ, равно какъ и неблагопристойнымъ сборамъ при поставленныхъ на распутіяхъ образахъ. Зная, что законъ Божій есть къ сохраненію рода человѣческаго, а не къ истребленію его безъ нужды, благословеніемъ отъ Синода и отъ вселенскихъ патріарховъ учинилъ позволенно ѣсть мясо въ посты въ нуждѣ, а паче въ морской службѣ, гдѣ и безъ рыбы довольно люди въ скорбутии подвержены, повелѣвая самохотно жертвующихъ жизнью своею таковымъ воздержаніемъ, во время приключившихся имъ болѣзнямъ, въ воду выдать. Все сіе очень хорошо, окромѣ что послѣднее нѣсколько сурово.

Но когда онъ сіе учинилъ? тогда, когда народъ еще былъ непросвѣщенъ; и тако, отнимая суевѣрїе у непросвѣщеннаго народа, онъ самую вѣру къ божественному закону отнималъ. И можно связать, что сіе дѣйствіе Петра Великаго можно примѣнить къ дѣйствію неискуснаго садовника, который у слабого дерева отрѣзываетъ водяныя, пожирающія его сокъ, вѣтви. Если бы оно было корнемъ сильно, то сіе обрѣзыванье учинило ему произвести хорошія и плодовиыя вѣтви; но какъ оно слабо и больно, то урѣзаніе сихъ вѣтвей, которыя чрезъ способъ листьевъ своихъ, получающихъ вѣтвную влагу, питали слабое дерево *); отнявъ ее, новыхъ плодовиыхъ вѣтвей не произвело, ниже сокомъ раны затагнуло, и тутъ сдѣлались дупла, грозящіе гибелью древу.

*) Противъ этого мѣста стариннымъ почеркомъ, но не рукою кн. Шербатова, карандашомъ, на рукописи замѣчено: «крайне замѣчательно». Ред.

Такъ урѣзаніе суевѣрій и на самыя основательныя части вѣры вредъ произвело: уменьшилось суевѣріе, но уменьшилась и вѣра; исчезла рабская боязнь ада, но исчезла и любовь къ Богу и къ святому Его закону; а нравы, за недостаткомъ другого просвѣщенія, исправляемые вѣрою, потерявъ сію подпору, въ развратъ стали приходить.

Со всѣмъ почтеніемъ, которое я къ сему великому въ монархахъ и великому въ человѣкахъ въ сердцѣ своемъ сохраняю, со всѣмъ чувствіемъ моимъ, что самая польза государственная требовала, чтобы онъ имѣлъ, окромѣ царевича Алексѣя Петровича, законныхъ дѣтей преемниками его престола,—не могу я удержаться, чтобы не охулить разводъ его съ первою его супругою, рожденной Лопухиной, и второй бракъ, по постриженіи первой супруги, съ плѣнницею Екатериною Алексѣевною; ибо примѣры сей нарушенія тайнства супружества, ненарушимого въ своемъ существѣ, показали, что безъ наказанія можно его нарушать. Пусть монархъ имѣлъ къ тому сильныя причины, которыхъ однаво я не вижу, окромѣ склонности его къ Монсовымъ, и сопротивленіе жены его новымъ установленіямъ; но подражатели его имѣли ли государственныя причины подобное дѣлать? Павелъ Ивановичъ Егужинской, постригши первую свою жену и жениась на другой, рожденной Головкиной, имѣлъ ли государственныя причины стараться сохранять себѣ потомство, въ нарушеніе божественныхъ законовъ? Многие и другіе сему подражали, и не токмо изъ вельможъ, но и изъ малочинныхъ людей, яко князь Борисъ Солнцева-Засекинъ сіе училилъ.

Итакъ, хотя Россія, чрезъ труды и попеченія сего государя, приобрѣла знаемость въ Европѣ и вѣсь въ дѣлахъ; войска ея стали порядочнымъ образомъ учреждены, и флоты Бѣлое и Балтійское море покрыли, коими силами побѣдила давныхъ своихъ непріятелей и прежнихъ побѣдителей, поляковъ и шведовъ, приобрѣла знатныя области и морскія пристанища. Науки и художества, и ремесла въ ней стали процвѣтать, торговля начала ея обогащать, и преобразовались россияне изъ бородатыхъ въ гладкіе, изъ долгополыхъ—въ короткополые, стали сообщительнѣе и позорища благонравныя извѣстны имъ учинились. Но тогда же искренняя привязанность къ вѣрѣ стала исчезать,

тайинства стали впадать въ презрѣніе, твердость уменьшилась, уступая мѣсто нагло стремящейся лести, роскошь и сластолюбіе положили основаніе своей власти, а симъ побуждено и корыстолюбіе, къ разрушенію законовъ и ко вреду гражданъ, начало пронивать въ судебныя мѣста.

Такое есть состояніе, въ которомъ (не взирая на всѣ преграды, которыя собственною своею особою и своимъ примѣромъ полагалъ Петръ Великій для отвращенія отъ пороковъ) въ разсужденіи правовъ осталася Россія по смерти сего великаго государя.

Воззримъ таперь, koliko при двухъ краткихъ царствованіяхъ Екатерины Первыя и Петра II, пороки сдѣлали шаговъ, дабы наиболѣе утвердиться въ Россіи.

IV.

Женскій полюбькновенно болѣе склоненъ въ роскошамъ, нежели мужской, и тако видимъ мы, что императрица Екатерина Алексѣевна первая, еще при жизни супруга своего, Петра Великаго, имѣла уже дворъ свой: камеръ-геръ у нея былъ Монсъ, котораго излишняя роскошь была первые знакъ, доведшіе его до поносной смерти; камеръ-юнкеры ея были Петръ и Яковъ Федоровичи Балковы, его племянники, которые также, при несчастіи его, отъ двора были отогнаны. Любила она и тщиалась украшаться разными уборами и простирала сіе хотѣніе до того, что запрещено было другимъ женщинамъ подобныя ей украшенія носить, яко то убирать алмазами обѣ стороны головы, а токмо позволяла убирать лѣвую сторону; запрещено стало носить горностаевые мѣхъ съ хвостиками, которые одна она носила, а сіе не указомъ, не закономъ введенное обыкновеніе учинилось почти узаконеніе, присвояющее сіе украшеніе единой императорской фамиліи, тогда какъ въ нѣмецкой землѣ и мѣщанки его употребляютъ. А такое тщаніе не покажетъ ли, что если лѣта зачали убавлять ея красоту, то уборами, отличными отъ другихъ, тщиалась оную превозвысить. Не знаю, справедливо ли сіе мнѣніе было, и прилично ли государю ещечасно, подобно какъ въ маскарадномъ платьѣ предъ подданными своими быть, яко бы не доставало ему другихъ украшеній, могущихъ его отличить. По возшествіи ея на престолъ, довольно

чуднымъ образомъ воспослѣдующемъ, ибо Петръ Великій *) не съ тѣмъ ее вѣнчалъ царскимъ вѣнцомъ, чтобы ее наслѣдницею своею учинить, ниже когда того желалъ; но, умирая, не назначилъ наслѣдника,—вельможи, а именно: князь Меншиковъ, зная слабость императрицы, Толстой, боясь мщенія отъ сына царевича Алексѣя Петровича, законнаго наслѣдника, за привезеніе и за смерть отца его, вопрося Ивана Ильича Мамонова, подполковника гвардіи: «надѣется ли онъ на согласіе гвардіи полковъ?» и, получа утвердительный отвѣтъ, предъ собранными полками ее самодержицею провозгласили. Тако возшла сія государыня на всероссійскій престолъ, дѣйствіе недостатку основательныхъ законовъ. И Петръ Великій еще не охладѣлъ мертвымъ, а уже не воля его, не право наслѣдственное и привязанность къ крови, но самовольное желаніе вельможъ рѣшило важнѣйшую вещь въ свѣтѣ, то-есть наслѣдство его престола.

Возшествіе ея такимъ образомъ на престолъ слѣдующія дѣйствія надъ правами народными произвело. Она была слаба, роскошна во всемъ пространствѣ сего названія, вельможи были честолюбивы и жадны,—а изъ сего произошло, упражняясь въ повседневныхъ пиршествахъ и роскошахъ, оставила всю власть правительства вельможамъ, изъ которыхъ вскорѣ взялъ верхъ князь Меншиковъ. Пышность и сластолюбіе у двора его умножились; упала древняя гордость дворянская, видя себя управляема мужемъ хотя достойнымъ, но изъ подлости происшедшимъ, а мѣсто ея заступило раболѣпство къ сему вельможѣ, могущему все.

Краткое царствованіе сей императрицы, впрочемъ, большихъ переи́нъ не могло учинить, окромѣ что вывозъ разныхъ драгоценныхъ уборовъ и вѣнъ весьма умножился, и сластолюбіе сіе во всѣ степени людей проникло, умножило нужды, а умножа нужды, умножило исکانіе способовъ безъ разбору, дабы оныя наполнить.

Какое тогда состояніе было сына царевича Алексѣя Петровича, по несчастію отца своего, лишеннаго принадлежащаго ему наслѣдія? Онъ былъ въ юныхъ лѣтахъ; о воспитаніи его не помышляли, наслѣдникомъ престола его не признавали, и ниже моленія въ церквяхъ о здравіи его было, якобы надлежало о

*) Зачеркнуто: «никогда, но...».

произшедшемъ отъ царскаго корня, и всѣ его поступки надзираемы были.

Дабы наиболѣе надзирать его поступки и примѣчать его слова и движенія, опредѣленъ былъ къ нему младый, умный и честолюбивый человекъ, князь Иванъ Алексѣвичъ Долгоруковъ. Сей, примѣчая жизнь императрицы Еватерины Алексѣевны, и разсуждая, что неуловительно, чтобы двѣ дщери Петра Великаго, герцогиня Анна и цесаревна Елисавета, яко до браку рожденныя, могли на российский престолъ, послѣ матери своей, взойти, вмѣсто, чтобъ подъ видомъ служенія князю Петру Алексѣевичу, быть ему предателемъ, разсудилъ сыскать его къ себѣ милость и повѣренность. Въ единый день, нашедъ его одинаго, палъ предъ нимъ на колѣни, изъясняя всю привязанность, каковую весь родъ его къ дѣду его, Петру Великому, имѣеть и къ его крови, изъяснилъ ему, что онъ по крови, по рожденію и по полу почитаетъ его законнымъ наслѣдникомъ российскаго престола, прося, да увѣрится въ его усердіи и преданности къ нему. Таковыя изъясненія тронули сердце младаго, чувствующаго свое несчастіе князя. Тотчасъ довѣренность послѣдовала подозрѣніямъ, а послѣ и совершенная дружба, по крайней мѣрѣ со стороны князя Петра Алексѣича, сихъ молодыхъ людей соединила.

Однако князь Меншиковъ, видя себя правителемъ государства и толь близко къ престолу, не могъ осмѣлиться желать оный себѣ приобрести, зная, что никто изъ россиянъ не потерпитъ, чтобъ имѣя еще многихъ царскаго рода *), онъ могъ, произшедшій изъ низкихъ людей, похитить себѣ престолъ,— обратилъ мысли свои, если не быть самому государемъ, то учиниться его тестемъ. Князь Петръ Алексѣевичъ, оставленный отъ всѣхъ и непризнанный наслѣдникомъ престола, ему показался быть къ сему удобнымъ орудіемъ. Но прежде онъ хотѣлъ обязаннаго ближнимъ родствомъ вѣнскаго двора мысли о семъ узнать, то-есть, чтобы и оный согласился оставить ему правленіе государства до возраста императора и дочь свою за онаго выдать. По бывшимъ переговорамъ съ графомъ Вратиславомъ, посломъ цесарскимъ, на все сіе согласіе получилъ, и цесарской

*) Зачеркнуто: «его изъ подлости происшедшаго самодержцемъ своимъ приз.»

дворъ прислалъ 70 тысячъ рублей въ подарокъ госпожѣ Крамеръ, камеръ-фрау императрицы Еватерины Алексѣвны, дабы она ее склонила именовать по себѣ наслѣдникомъ князя Петра Алексѣича. И тако въ семь случаѣ російскій престолъ сталъ покупаться, и не близость крови, но избраніе прежде бывшей плѣнницы, внука Петра Великаго и правнука царя Алексѣя Михайловича на престолъ толь знатной имперіи возводило.

V.

Вскорѣ по именованіи своемъ наслѣдникомъ російскаго престола, князь Петръ Алексѣевичъ, подъ именемъ императора Петра II,....*) лѣтъ, взомель по смерти императрицы Еватерины Алексѣвны. Сила и могущество князя Меншикова умножились; государь былъ въ юныхъ лѣтахъ, а сей вельможа, хотя не былъ именованъ регентомъ, но**) дѣйствительно таковымъ былъ. А сіе самое уже доказуетъ, волико упалъ духъ благородныхъ. При младенчествѣ царя Іоанна Васильевича, законной властію утвержденному совѣту для управленія во время малолѣтства государева, боярамъ, выбраннымъ изъ среды самихъ ихъ, изъ среды знатнѣйшихъ родовъ государства, повиноваться не хотѣли. И когда въ болѣзни своей царь Іоаннъ Васильевичъ хотѣлъ утвердить престолъ малолѣтному сыну своему, то, не хотя быть управляемы боярами, сыну государя своего присягать не хотѣли. Во время младенчества самого Петра Великаго, на случай Нарышкиныхъ негодовали; а се нынѣ изъ подлости происшедшему мужу, безъ всякаго законнаго утвержденія его власти, безспорно повиновались. Да разсудятъ посему, — вѣрность ли сіе было къ государю, или паденіе духу благороднаго?

Истина заставила меня сіе сказать, но я не могу, поелику мнѣ извѣстно, не похвалить поступокъ к. Меншикова. Онъ честолюбіемъ на мѣсто сіе былъ возведенъ; но управленіе его было хорошо, а паче попеченіе его о воспитаніи и наученіи младаго государя; часы были уставлены для наукъ, для слушанія дѣлъ, для разговоровъ и обласканія первосановниковъ государства и, наконецъ, часы для веселія. И можно сказать, что князь Меншиковъ былъ вупно правитель государства и дядька государевъ. Еще бы похвальнѣе его поступокъ былъ, естли бы

*) Пропускъ въ подлинникѣ.

***) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «прямо былъ».

онъ не имѣлъ собственныхъ своихъ видовъ, а дѣлалъ бы сіе для пользы отечества и въ воздаяніе за то, тѣмъ онъ долженъ Петру Великому, дѣду царствующаго государя. Но онъ не имѣлъ толь героической души, и всѣ мысли его клонились, чтобы обручить дочь свою за младаго государя, что наконецъ, претиву самой склонности государя, исполнено имъ было.

Посемъ приумножилъ свои старанія о воспитаніи и наученіи государя, взялъ его жить въ домъ свой, неотлучно при немъ пребывая и домъ князя Меншикова учинился дворецъ государевъ. Во время сіе содѣлалъ онъ два дѣла, которыя, присоединенныя къ противусклонности государевой обрученія его съ княжною Меншиковою, приключили, наконецъ, паденіе сего вельможи. Первое, былъ при государѣ учитель, родомъ венгерець, именовъ Зе и к и н ѣ. Сей противень учинился владычествующему министру и сего онъ, втайнѣ отъ государя, удалилъ. Хотя молчанію сіе предалъ государь, но не оставилъ подозрѣвать, отъ кого сей его наставникъ былъ удаленъ, не смѣя и вопрошать *) о немъ, дабы болѣе ему несчастія не приключить. Второе—принесено было отъ купечества нѣсколько тысячъ червонныхъ къ государю, были благосклонно приняты; но тогда случившаяся тутъ сестра государева, принцеса Наталья Алексѣевна, сихъ денегъ собѣ просила. Государь, который весьма любилъ сестру свою, приказалъ ихъ отнести еще тогда, какъ принесшіе ихъ купцы въ прихожей находились. Встрѣтился к. Меншиковъ съ несомыми сими деньгами въ комнату принцесы, ихъ немедленно возвратилъ и, пришедъ въ комнату государеву, представлялъ ему, что таковой, немедленно учиненный даръ принесенныхъ денегъ купцами, показываетъ презрѣніе къ онымъ и можетъ огорчить его подданныхъ. Можетъ быть представилъ ему и правила бережливости, какія Петръ Великій имѣлъ. Сіе огорчило государя и сестру его, а подало случай, наединѣ, люцу его князю Ивану Алексѣевичу Долгорукову представить ему, какъ мала его есть власть. Кажется властолюбіе въ сердцахъ прежде всего родится, а паче въ сердцахъ монаршихъ, и тако сіе оскорбленіе, тѣмъ наивящее, что отмстить за него не могъ, на сердцѣ младаго монарха оставалось.

*) Зачеркнуты слова: «о семъ».

Однако приличными веселіями и удовольствіями, частыми съѣздами во дворѣ старался князь Меншиковъ благопристойнымъ образомъ въ праздные часы веселить своего государя и зятя. А примѣръ двора, разливаясь сперва на вельможъ, а потомъ и на другихъ гражданъ, чинилъ, что и они, по мѣрѣ достатка своего, а иногда и выше, старались сообществомъ веселиться, и простота нравовъ исчезла.

Наконецъ приходило время паденія князя Меншикова, и произошло оно отъ слѣдующаго случая. Сей вельможа, всячески стараясь утѣшить своего государя и укрѣпить движеніемъ и трудами его тѣло, повезъ его со псовою охотою. Гоньба, травля и прочее, что веселитъ въ сей охотѣ, весьма полюбились младому государю. Часто князь Меншиковъ отъѣзжалъ въ мызу свою Оранинъ-боумъ, и случилось, что единожды, въ небытность его въ Петербургъ, въ пасмурный и холодный день, государь поѣхалъ на поле. По возвращеніи своемъ, нашель онъ Меншикова весьма раздраженна сею ѣздою, который съ тою горячностію, каковая можетъ произойти отъ желанія сохранить его здоровье и отъ опасности потерю его лишиться толь великаго союза, ему представлялъ воль неразсудительно было въ пасмурное и холодное время ѣздить и здоровье свое подвергать. Хотя горячи были его изъясненія, но они отъ усердія происходили, однако младый государь ощущалъ только въ нихъ единую горячность и яко нарушеніе почтенія къ себѣ; однако скрылъ и то въ сердцѣ своемъ, и к. Иванъ Алексѣичъ Долгорукій, ищущій погибели Меншикова, дабы самому и родъ свой на ту степень возвести, не оставилъ паче очернить всѣ слова сего вельможи.

Помнится мнѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ поѣхалъ князь Меншиковъ въ мызу свою Оранинъ-боумъ для освященія созданнаго имъ церкви. Сей ожидаемый уже давно случай и былъ употребленъ къ погубленію его. Государь, по совѣту к. Ивана Алексѣича Долгорукова, поѣхалъ въ Петергофъ, окруженъ гвардіей, и повелѣно было к. Меншикову сказать, чтобы онъ въ Петергофъ не ѣздилъ, а проѣхалъ бы прямо въ Петербургъ, гдѣ тогда же дворѣ государеву велѣно было изъ дому к. Меншикова выбираться. Тщетно ниспадавшій сей министръ просилъ единныя милости, чтобы видѣть государя и оправданія свои принести; тщетно княжна Катерина Александровна, его дочь,

невѣста государева, писала въ великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, дабы она упросила государя, своего брата, прощенье родителю ея. Первое, — понеже опасались, чтобъ сохраняемая нѣкая в. Меншиковымъ власть и сильныя его представленія не тронули сердце государево, и ему отказано было; а нелюбимыя невѣсты, отъ которой избавиться хотѣлъ самъ государь, просьбы также дѣйствіе не возымѣли, и князь Меншиковъ, по прїѣздѣ своемъ въ Петербургъ, на завтрее былъ арестованъ и сосланъ въ ссылку. Тако ниспалъ сей пышный вельможа, примѣръ переменъ и непостоянства щастія, изъ низкаго состоянія почти до трона дошедшій, и паки въ низость и нещастіе ввергнутый.

Посемъ Петръ Второй началъ править самъ государствомъ, если можно назвать правленіемъ правленіе юности государя. Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ, другъ и наперсникъ государевъ, толь ему любимый, что даже на одной постелѣ съ нимъ сыпалъ, всемогущій учинился. Пожалованъ немедленно былъ въ оберъ-камеръ-геры, возложена на него была андреевская лента, пожалованъ въ капитаны гвардіи Преображенскаго полку гренадерской роты и всѣ родственники его были возвышены, права по изволеніямъ ихъ всѣми дѣлами имперіи.

Престали науки государевы; министры лишь для виду были допускаемы; все твердое и полезное отгнались отъ двора, и пользуясь склонностію государевой къ охотѣ, она всѣхъ важныхъ упражненій мѣсто заняла. Однако, что погубило князя Меншикова, то не устрашило Долгорукихъ; они употребили стараніе, дабы имъ родственницу свою, княжну Еватерину Алексѣевну, дочь князя Алексѣя Григорьевича, сестру же князя Ивана Алексѣича, за государя обручить. И въ семь обрученіи нѣчто странное было, ибо хотя обрученіе сіе было въ присутствіи всѣхъ и всего двора, но во время обрученія государь и его невѣста были окружены Преображенскаго полку гренадерами, которые кругъ ихъ, подъ начальствомъ своего капитана, князя Ивана Алексѣича Долгорукова, батальонъ каре составляли.

Князь Иванъ Алексѣичъ Долгоруковъ былъ молодъ, любилъ распутную жизнь, и всѣми страстями, каковымъ подвержены молодые люди, неизмѣющіе причины обудывать ихъ, былъ обла-

даемъ. Пьянство, роскошь, любодѣяніе и насиліе мѣсто прежде бывшаго порядка заступили. Въ примѣръ сему, ко стыду того вѣва, скажу, что слюбился онъ, или лучше сказать, взялъ на блудодѣяніе себѣ, между прочими, жену К. Н. Г. Т. рожденную Головкину, и не тоюмо безъ всякой закрѣпности съ нею жилъ, но при частыхъ сѣздахъ у К. Т. съ другими своими младыми сообщниками пиваль до крайности, биваль и ругиваль мужа, бывшаго тогда офицеромъ кавалергардовъ, имѣющаго чинъ генераль-маіора и съ терпѣніемъ стыдъ свой отъ прелюбодѣянія своей жены сносящаго*). И мнѣ самому случилось слышать, что единожды бывъ въ домѣ сего кн. Трубецкаго, по исполненіи многихъ надъ нимъ ругательствъ, хотѣлъ наконецъ его выкинуть въ окошко, и если бы Степанъ Васильичъ Лопухинъ, свойственникъ государевъ по бабѣ ея Лопухиной, первой супруги Петра Великаго, бывшій тогда камеръ-юнкеромъ у двора и въ числѣ любимцевъ князя Долгорукова, сему не воспрепятствовалъ, то бы сіе исполнено было. Но любострастіе его одною или многими не удовольствовалось; согласіе женщины на любодѣяніе уже часть его удовольствія отнимало, и онъ иногда приѣзжающихъ женщинъ изъ почтенія къ матери его, затаскивалъ къ себѣ и насиловалъ. Окружающіе его однородцы и другіе младые люди, самымъ распутствомъ дружбу его приобрѣтшіе, сему примѣру подражали, и, можно сказать, что честь женская не менѣе была въ безопасности тогда въ Россіи, какъ отъ турковъ во взятомъ градѣ. Привычка есть и къ преступленіямъ, а сей былъ первый шагъ, которымъ жены выступили изъ скромности и тихова житія, которое отъ древнихъ нравовъ онѣ еще сохраняли.

Отецъ его, князь Алексѣй Григорьевичъ, человекъ посредственнаго разума и единственно страстенъ къ охотѣ—для коронаціи государей (sic) всегда бывають въ Москвѣ—то послѣ оной и присовѣтоваль ему тамъ утвердить свое житіе, оставя навсегда Петербургъ. Приѣхаль дворъ въ Москву, но распутство непре-

*) Подъ выставленными буквами авторъ разумѣетъ графиню Настасью Гавриловну Головкину († 1735 г.), дочь государственнаго канцлера гр. Гавріила Ивановича Головкина († 1734 г.), бывшую въ замужествѣ за княземъ Никитой Юрьевичемъ Трубецкимъ, впоследствии генераль-фельдмаршаломъ. См. его записки въ «Русской Старинѣ», т. I, стр. 9 и 10. Ред.

стало; по мѣсяцу и по два отлученіе государево для ѣзды съ собаками, остановило теченіе дѣлъ; сила единого рода учинила, что только искатели въ ономъ чины и милости получали, а другіе ужъ и въ грабежу народа приступали. Желаніе угодить роскошнымъ Долгорукимъ юношамъ, пиры со всею знаемою для нихъ роскошью дѣлали.

Возвримъ теперъ, какія были сіи ѣзды государевы на охоту и какія были тамъ упражненія; ибо примѣръ двора великое дѣйствіе надъ образомъ мысли и всѣхъ подданныхъ имѣеть. Ыздилъ государь въ Боровскомъ, Коломенскомъ и другихъ уѣздахъ иногда и по мѣсяцу, ежедневно, не взирая ни на сырую погоду, ни на холодъ. Ызда съ собаками была отъ утра до вечера. Окромъ что охота государева, при которой и совольники находились и всѣ придворные, которые по неволѣ должны были охотниками сдѣлаться, во всей Россіи собранные знаемѣйшіе охотники дворяне, имѣли позволеніе быть при охотѣ государевой, то коль сіе должно было составить великую толпу людей и коликое множество собакъ. Всякій изъ сего себѣ представить можетъ, пощажены ли были тогда поля съ хлѣбомъ, надежда земледѣльца; стада скота хотя и отгонялись, но не могли ли иногда съ сею толпою собакъ встрѣтиться. А окружающіе государя вельможи, которые были тогда же и охотники, для удовольствія своего не представляли младому и незнающему государю, колико таковыя ѣзды вредъ земледѣлію наносятъ. Иззявши возвращался государь вечеру на квартиру; тутъ встрѣчала его невѣста, его княжна Долгорукова, со множествомъ женъ и дѣвицъ, и балъ начинался, который иногда гораздо поздно въ ночь былъ продолженъ. Младья государева лѣта отъ распутства его сохраняли, но подлинно есть, что онъ былъ веденъ, чтобы со временемъ въ распутство впасть; а до тѣхъ мѣстъ любимецъ его в. Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ всѣмъ самъ пользовался, и утружденнаго охотою государя принуждалъ по неволѣ представляемыя ему веселія вкушать.

Наконецъ возвратился государь въ Москву изъ Коломенскаго уѣзду; новыя начались веселія; ежедневно медвѣжья травля, сажаніе зайцевъ, кулашныя бои; съ веселіями придворными всѣ часы жизни его занимали, даже какъ простудился занемогъ воспою; въ девятый день скончался и вся надежда Долгорукихъ,

яго скудельный сосудъ о твердый камень сокрушилась. Осталось тоѣмо памяти сего царствованія, что неисправленная грубость съ роскошью и съ распутствомъ соединилась. Вельможи и вышніе впади въ роскошь, а жены стыдъ, толь украшающій ихъ полъ, стали онѣи забывать, а нижніе граждане приобыкли льстить вельможамъ.

VI.

Однако по смерти Петра Второго нивого не было назначеннаго къ пріятію російскаго престола. Первостепенные вельможи собрались, дабы учинить важное рѣшеніе, кого во владыки толь великой части свѣта возвести. Коль ни дерзки, коль ни самолюбивы, однако не смѣли безъ взятія мнѣнія отъ именитѣйшихъ благородныхъ сего рѣшить. Разныя мнѣнія были подаваны. Иные представляли, что какъ вторая супруга Петра Великаго уже царствовала надъ Россією, то надлежитъ взять изъ монастыря первую супругу Петра Великаго, и оную на престолъ возвести. Другіе представляли, что есть въ живыхъ двѣ дочери Петра Великаго, принцеса Анна (?), въ супружествѣ за герцогомъ Голштинскимъ, и принцеса Елисавета въ дѣвицахъ, и хотя онѣ и прежде браку рождены, но какъ уже законными признаны, то рѣденіе ихъ не препятствуетъ взойти на російскій престолъ. Третіи представляли принцесу Еватерину, герцогиню Мекленбургскую, старшую дочь царя Іоанна Алексѣевича. Наконецъ четвертые принцесу Анну, вдовствующую герцогиню Курляндскую.

Уже собравшіеся вельможи предопредѣлили великое намѣреніе, ежели бы самолюбіе и честолюбіе оное не помрачило, то есть учинить основательные законы государству и власть государеву сенатомъ или парламентомъ ограничить. Но засѣданіе въ сенатѣ тоѣмо нѣсколькимъ родамъ предоставили; тако уменьшая излишнюю власть монарха, предавали ее множества вельможамъ со огорченіемъ множества знатныхъ родовъ, и, вмѣсто одного, толпу государей сочиняли. Сіи вельможи пріяли въ разсужденіе разныя выше предложенныя мнѣнія о наслѣдствѣ престола. Были многіе и дальновидѣйшіе, которые желали возвести царицу Евдокію Ѳедоровну на російскій престолъ, говоря, что какъ она весьма слабымъ разумомъ одарена, то силъ учрежденнаго Со-

вѣта сопротивляться не можетъ, а чрезъ сіе дастъ время утвердиться постановляемымъ узаконеніямъ въ предосужденіе власти монаршей. Но на сіе чинены были слѣдующія возраженія: что законъ препятствуетъ санъ монашескій, хотя и по неволѣ возложенной, съ нея снятъ, и что она имѣвши множество родни Лопухинныхъ, къ коимъ весьма была привязана, родъ сей усилится, и можетъ для счастья своего склонить ее разрушить предполагаемыя постановленія. Дочерей Петра Великаго, яко незаконнорожденныхъ, отрѣшили. Принцесу Екаторину Іоанновну, герцогиню Мекленбургскую отрѣшили ради безпкойнаго нрава ея супруга и что Россія имѣетъ нужду въ покоѣ, а не мѣшаться въ дѣла сего герцога, по причинѣ его несогласія съ его дворянствомъ. И наконецъ думая, что толь знатное и нечаянно предложенное наслѣдство герцогинѣ Аннѣ Ивановнѣ, заставитъ искренно наблюдать полагаемыя ими статьи; а паче всего склонилъ всѣхъ на избраніе сіе князь Василій Лукичъ Долгоруковъ, который къ ней особливую склонность имѣлъ и, можетъ быть, мнилъ, отгнавъ Бирона, его мѣсто заступитъ. Всѣ сіи на сіе согласились и онъ самъ посланъ былъ съ пунктами призывать ее на престолъ російскій, если будетъ обѣщаться и подпишетъ сіи предъ установленныя законы.

Герцогиня Анна не отреклася подписать уменьшающія російскаго императора власть статьи, которыя ее возводили изъ герцогинь курляндскихъ въ російскія императрицы и, поѣхавъ изъ Митавы, не доѣхавъ до Москвы за семь верстъ, остановилась въ селѣ Всесвяцкомъ, принадлежащемъ царевичу Грузинскому, въ его домѣ, во ожиданіи приуготовленія торжественнаго ея вшествія въ Москву. А тогда же было дано дозволеніе всѣмъ благороднымъ приѣзжать въ оное село для принесенія своего поздравленія государынѣ. Долгорукіе знали, что множество благородныхъ были весьма недовольны учиненными ими статьями, которыя въ руки нѣкоторыхъ родовъ всю власть правительства вручали, и, сего ради, имѣли великую осторожность, дабы ето какой записки, подходя къ рукѣ, не подалъ, и, сего ради, всегда кто изъ Долгорукихъ стоялъ возлѣ государыни, повелѣвая всѣмъ, подходящимъ къ рукѣ, имѣть руки назади, не принимая руку монаршу на свою, какъ сіе обыкновенно есть.

И подлинно, еще прежде приѣзда въ Москву императрицы

Анны, извѣстно было Долгорукимъ и другимъ, что нѣкоторымъ уменьшеніе власти монаршей противно было, яко сіе оказалось, что Павелъ Ивановичъ Егузинскій, генераль-прокуроръ, зять же канцлера Гаврила Ивановича Головкина, послалъ тайно отъ себя офицера Петра Спиридоновича Сумарокова съ письмомъ, увѣщающимъ герцогиню Курляндскую не подписывать посланныя къ ней съ князь Васильемъ Лукичемъ пункты. Сіе письмо было онымъ княземъ Долгоруковымъ поймано, и онъ посланнаго немилосердо самъ билъ; о такомъ писаніи сообщилъ въ московской вельможѣ совѣтъ, который и намѣрялся Павла Ивановича немедленно казнить; но предложенія князь Григорія Алексѣевича Долгорукова, (зачеркнуто: «превозмогло») чтобъ таковую счастливую перемяну кровію подданнаго не обагрять, и онъ, впредь до рѣшенія, посаженъ былъ подъ жестокую стражу.

Сказалъ я уже выше, что духъ благородной гордости и твердости упалъ въ сердцахъ знатнорожденныхъ россиянѣхъ; и тако, хотя великая часть ощущала неудовольствіе, но никто ни къ чему смѣлому приступити не дерзалъ. Однако, естли не точно пользою отечества побуждены, то собственными своими видами, нашлись такіе, которые предпріяли разрушить сіе установленіе. Теофанъ Прокоповичъ, архіепископъ Новгородскій, мужъ исполненный честолюбія, хотѣлъ себѣ болѣе силы и могущества приобрести; Василій Никитичъ Татищевъ, человекъ разумный и предпріятельный, искалъ своего счастья; князь Антіохъ Дмитріевичъ, человекъ ученый, предпріятельный, но бѣдный, по причинѣ перворожденія брата своего князя Дмитрія Дмитріевича, искалъ себѣ и почестей и богатства, которое и надѣялся симъ чрезъ умыселъ свой противу установленія получить и тѣмъ достигнуть еще до желанія его жениться на княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Черкасской, дочери и наслѣдницѣ князь Алексѣя Михайловича Черкаскаго, богатѣйшаго изъ російскихъ благородныхъ. Сіи три, связанные дружбою, разумомъ и своими видами, учинили свое расположеніе для разрушенія сдѣланнаго Долгорукими узаконенія. Они, во-первыхъ, открылись въ семь князь Алексѣю Михайловичу Черкасскому, человеку, весьма недовольному Долгорукими, а паче за причиненныя ими оскорбленія князь Никитѣ Юрьевичу Трубецкому, его шурина. Сей человекъ, молчаливый, тихій, коего разумъ никогда ни въ вели-

вѣхъ чинахъ не блисталь, но повсюду являль осторожность, не вошелъ точно самъ въ сей умыселъ, а довольствовался токмо стараться о мнѣніяхъ подданныхъ императрицѣ сообщить. Сіе онъ исполниль чрезъ свояченицу свою, Прасковью Юрьевну Салтыкову, супругу Петра Семеновича; но Салтыковы нѣсколько въ свойствѣ съ императрицею. Сія жена хитрая и нашла способъ, бывъ при надзираемой императрицѣ, наодинѣ ей записку о начинающихся намѣреніяхъ сообщить.

Однако воспослѣдовала коронація и императрица Анна Іоанновна, не яко самодержавная, но яко подчиненная нѣкимъ установленіямъ, была коронована. Долгорукіе и ихъ сообщники нѣсколько успокоились, мня, что сила клятвы, учиненной императрицею при коронаціи, воздержитъ ее сдѣлать какую перемѣну. Тщетная надежда. Императрица послѣ коронаціи своей не столь стала наблюдаема, а потому о продолженіи умыслу возвратитъ ей самодержавство удобнѣе извѣстія получала, а Прокоровичъ и Кантемиръ, сочиня челобитную отъ всѣхъ гражданъ, наспѣхъ, множеству недовольныхъ дали ее подписать и наконецъ вдругъ въ назначенный день, подъ предводительствомъ князя Черкаскаго, представъ на аудіенцію къ императрицѣ, подали ей челобитную, по прочтеніи которой, яко снисходя на желаніе народное, подписанные пункты были принесены, ею самою были разодраны, она самодержавной учинилась, а вскорѣ несчастіе Долгорукихъ послѣдовало.

Обстоятельства сіи, хотя казались бы и несовмѣстны съ описаніемъ состоянія нравовъ, однако естли кто прилежно разсмотритъ оныя, то умоначертаніе народное и премѣны мыслей ясно усмотритъ; и такъ можно сказать, что бываемыя премѣны въ государствахъ всегда суть соединены съ нравами и умоначертаніемъ народнымъ. Воззримъ же теперъ, какъ при правленіи сея императрицы наивяще упала твердость въ сердцахъ и какъ роскошь наиболѣе стала вкореняться, а для показанія сего надлежитъ разсмотрѣть, во-первыхъ, обычаи самой сей императрицы, второе—обычаи ея любимца Бирона, послѣ бывшаго герцогомъ Курляндскимъ, и его могущество, — и третье, состояніе двора; и какія были сдѣланы при сей государынѣ учрежденія въ разсужденіи великолѣпности онаго.

Императрица Анна не имѣла блистательнаго разума, но имѣ-

ла сей здравый разумъ, который тщетной блистательности въ разумѣ предпочтителенъ. Съ природы нраву грубаго, отчего и съ родительницею своею въ ссорѣ находилась и ею была проклята, какъ мнѣ извѣстно сіе по находящемуся въ архивѣ Петра Великаго одному письму отъ ея матери, отвѣтственному на письмо императрицы Екатерины Алексѣевны, чрезъ которое она прощаетъ дочь свою, сію императрицу Анну. Грубый ея природный обычай не смягченъ былъ ни воспитаніемъ, ни обычаями того вѣка, ибо родилась во время грубости Россіи, а воспитана была и жила тогда, какъ многія строгости были оказуемы; а сіе учинило, что она не щадила крови своихъ подданныхъ и смертную мучительную казнь безъ содроганія подписывала; а можетъ статья и еще къ тому была побуждаема и любимцемъ своимъ Бирономъ. Не имѣла жадности къ славѣ и потому новыхъ узаконеній и учреждений мало вымышляла, но старалась старое учрежденное въ порядкѣ содержать. Довольно для женщины прилежна въ дѣлахъ и любительница была порядку и благоустройства, ничего спѣшно и безъ совѣту искуснѣйшихъ людей государства не начинала, отчего всѣ ея узаконенія суть ясны и основательны. Любила приличное великолѣпіе императорскому сану, но толико, поелику оно сходственно было съ благоустройствомъ государства. Не можно оправдать ее въ любострастіи, ибо подлинно, что бывшій у нея гофмейстеромъ Петръ Михайловичъ Бестужевъ имѣлъ участіе въ ея милостяхъ, а потомъ Биронъ и явно любимцемъ ея былъ, но наконецъ при старости своихъ лѣтъ является, что она его болѣе яко нужнаго друга себѣ имѣла, нежели какъ любовника.

Сей любимецъ ея Биронъ, возведенный ею въ герцоги Курляндскіе, при російскомъ же дворѣ имѣющій чинъ оберъ-камергера, былъ человекъ, рожденный въ низкомъ состояніи въ Курляндіи, и сказываютъ, что онъ былъ берейторъ, которая склонность его къ лошадямъ до смерти его сохранялась. Впрочемъ былъ человекъ, одаренный здравымъ разумомъ, но безъ малѣйшаго просвѣщенія, гордъ, золь, кровожаждущъ и непримирительный злодѣй своимъ непріятелямъ. Однако касающе до Россіи, онъ никогда не старался во время жизни императрицы Анны что либо въ ней приобрѣсти, и хотя въ разсужденіи Курляндіи снабжалъ ее сокровищами російскими, однако зная, что онъ

тамъ отъ гордаго курляндскаго дворянства ненавидимъ, и что онъ иначе, какъ сильнымъ защищеніемъ Россіи не можетъ сего герцогства удержатъ, то и той пользы пользамъ Россіи подчинялъ. Впрочемъ былъ грубъ, яко свидѣтельствуеть единый его поступокъ, что ѣздивъ на малое время въ границамъ Курляндіи и нашедъ мосты худы, отчего и варета его испортилась, призвавъ сенаторовъ сказалъ, что онъ ихъ вмѣсто мостовинъ велитъ для исправленія мостовъ положить. Сіе перваго правительства присутствующіе, правительство, въ которому Петръ Великій толикое почтеніе имѣлъ, принуждены были отъ любимца чужестранца вытерпѣть безмолвственно. Толико уже упала твердость въ сердцахъ россіянъ.

Правленіе императрицы Анны было строгое, а иногда и тираническое. За самыя малѣйшія дѣла сажали въ тайную канцелярію, и въ стѣнѣ содѣланныя казармы Петербургской крѣпости не довольны были вмѣстити сихъ несчастныхъ; казни были частыя, яко Долгорукіе, бывъ прежде за тщаніе ихъ ограничить власть монаршу, были сосланы, а потомъ за ту же вину изъ Сибири привезены и переказнены въ Шлюсембургъ, а бывший и не сосланъ князь Григорій Ѳедоровичъ (Серг. Григ.?) Долгоруковъ, назначенный уже въ польское посольство, за то, что увѣдано было, что Долгоруковы князь Алексѣй Григорьевичъ съ сыномъ и другіе сочинили духовную, которой якобы при смерти своей Петръ Второй признавалъ, что имѣлъ сообщеніе съ княжною Еватериною Алексѣевною и оставялъ ее беременну, и сего ради, оказывалъ свое желаніе возвести ее на престолъ, — духовную сію переписывалъ, но тогда же, силою своихъ представлений учинилъ сіе безумное сочиненіе, безчещущее и княжну Долгорукову безъ всякія пользы, уничтожить, также смертную казнь тоюмо за переписку претерпѣлъ и учиненъ былъ указъ, дабы Долгорукихъ не производить. Было гоненіе и на родъ Голицыныхъ. Князь Дмитрій Михайловичъ, человекъ разумнѣйшій того вѣка, былъ сосланъ въ ссылку, и напрасное его осужденіе довольно видно по самому манифесту его сосланія. Дѣти его, князь Сергій Дмитріевичъ, дабы отдалить его отъ двора, посланъ былъ въ Казань губернаторомъ, а князь Алексѣй Дмитріевичъ, бывший тогда уже штатскимъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ, посланъ нижнимъ офицеромъ въ Кизляръ. Князь Петръ Ми-

хайловичъ Голицынъ, который и услуги Бирону показалъ, безъ всякаго суда изъ камеръ-геровъ посланъ былъ въ Нарымъ въ управители; а наконецъ Артемій Петровичъ Волынской, оберъ-егерь-мейстеръ, по единой его ссорѣ и неприязни Бироновой, былъ съ принужденіемъ въ томъ воли самой государыни, мучительными пытками пытанъ, а потомъ казненъ. Дѣло его толь мало доводило его до какого наказанія, что мнѣ случилось слышать отъ самой нынѣ царствующей императрицы, что она прочетши его съ прилежностію, запечатавъ, отдала въ Сенатъ, съ надписаніемъ, дабы наслѣдники ея прилежно прочитывали оное, и остерегались бы учинить такое несправедливое безчеловѣчіе.

Но можно сказать съ единымъ стихотворцемъ:

«На пышные верхи громъ чаще ударяетъ».

Хотя трепеталъ весь дворъ, хотя не было ни единого вельможи, который бы отъ злости Бирона не ждалъ себѣ несчастія, но народъ былъ порядочно управляемъ: не былъ отягощенъ налогами, законы издавались ясны, а исполнялись (стр.) въ точности; страшились вельможи подать какую причину къ несчастію своему, а не бывъ ими защищаемы, страшились и судьи что неправо сдѣлать, или здохнуть воснуться. Былъ уставленъ Кабинетъ, гдѣ безъ подчиненія и безъ робости, одинъ другому каждый мысли свои изъяснялъ и осмѣливался самой государыни при докладахъ противурѣчить; ибо она не имѣла почти никогда пристрастія то или другое сдѣлать, но искала правды. И такъ, по крайней мѣрѣ лъсть въ таковыхъ случаяхъ отогнана была; да можно сказать, и не имѣла она лъстецовъ изъ вельможей, ибо просто послѣдую законамъ, дѣла надлежащимъ порядкомъ шли. Лѣта же ея и болѣзни ей не оставляли время что другое предпринимать. Чины и милости всѣ по совѣту, или лучше сказать, по изволенію Бирона, герцога Курляндскаго, истекали; имѣла она для своего удовольствія нѣсколько женщинъ, а именно княгиню Аграфену Александровну Щербатову, въ которой, какъ по веселому ея нраву, такъ и по другимъ причинамъ, привязана была; Анну Ѳедоровну Юшкову и Маргариту Ѳедоровну Манахиню, которыхъ еще императрица знала въ молодости своей, когда онѣ были при дворѣ простыми дѣвушками. Любила шутовъ и дураковъ и были при ней: князь Никита Ѳедоровичъ Волконскій, Ба-

лакиревъ и князь Михайло Голицынъ, которые иногда и съ большими (sic) есть, шутками ее веселили. Се вѣщій знакъ деспотичества, что благороднѣйшихъ родовъ люди въ толь подлую должность были опредѣлены. Но вмѣсто ея, всѣ вельможи дрожали передъ Бирономъ; единый взглядъ его благороднѣйшихъ и именитѣйшихъ людей въ трепеть приводилъ; но толь былъ грубъ и исприступенъ, что ниже и лести мѣста давалъ. Однако были нѣкоторые преданные, то-есть, графъ Остерманъ, котораго онъ другомъ почиталъ и уважалъ его по дѣламъ, принимая отъ него совѣты, и князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, оберъ-шталмейстеръ, угождалъ ему лошадьми; яко умный человекъ льстилъ ему словами, и яко веселый веселилъ иногда и государыню своими шутками, и часто содѣланныя имъ въ пьянствѣ продерзости, къ чему онъ склоненъ былъ, ему прощались; Петръ Ѳедоровичъ Балкъ шутками своими веселилъ государыню и льстилъ герцогу, но ни въ какія дѣла впущенъ не былъ.

Сказалъ уже я выше, что императрица Анна Ивановна любила приличное своему сану великолѣпіе и порядокъ, и тако дворъ, который еще никакого учрежденія не имѣлъ, былъ учрежденъ, умножены стали придворные чины, серебро и золото на всѣхъ придворныхъ заблистало, и даже ливрея царская серебромъ была покровенна; уставлена была придворная конюшенная канцелярія и экипажи придворные все могущее блистаніе того времени возимѣли. Итальянская опера была выписана и спектакли начались, такъ какъ оркестръ и камерная музыка. При дворѣ учинились порядочныя и многолюдныя собранія, балы, торжества и маскарады.

А все вышеписанное и показываетъ, какіе шаги обстоятельства правленія и примѣрами двора злые нравы учинили. Жестокость правленія отняла всю смѣлость подданныхъ изъяснять свои мысли, и вельможи учинились не совѣтниками, но давальщиками государевыми и его любимцевъ во всѣхъ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ имѣли причину опасаться противурѣчіемъ своимъ неудовольствіе приключить; любовь къ отечеству убавилась, а самство и желаніе награжденій возрасло. Великолѣпіе, введенное у двора, понудило вельможъ, а подражая имъ и другихъ умножить свое великолѣпіе. Оно уже въ платьяхъ, столахъ и

другихъ украшеніяхъ начинало изъ мѣры выходить, такъ что самую императрицу Анною примѣчено было излишнее великолѣпіе и изданнымъ указомъ запрещено было ношеніе золота и серебра на платьѣ, а токмо позволено было старое доносить, которыя платья и были запечатаваны.

Но тщетное приказаніе, когда самъ дворъ, а паче тогда по причинѣ сыновей герцога Курляндскаго, людей молодыхъ, въ сей роскошь впасть. Не токмо сей роскошь видѣнъ былъ на торжественныхъ одѣяніяхъ придворныхъ и другихъ чиновъ людей, но даже мундиры гвардіи офицеровъ оныи ощущали; а паче мундиры конной гвардіи, которые тогда были синіе съ красными обшлагами, выкладенные петлями и по швамъ широкимъ золотымъ галуномъ. Многіе изъ знатныхъ людей стали имѣть открытые столы, яко фельдмаршалъ графъ Минихъ, вице-канцлеръ графъ Остерманъ, хотя впрочемъ весьма умѣренно жилъ, Гаврила Ивановичъ Головинъ, генералъ-адмиралъ графъ Николай Ѳедоровичъ Головинъ и другіе. Число разныхъ винъ уже умножилось и прежде незнаемыя шампанское, бургунское и капское стало привозиться и употребляться на столы.

Уже вмѣсто сдѣланныхъ изъ простаго дерева мебели стали не инныя употребляться какъ аглинскія, сдѣланныя изъ краснаго дорева мегатеня; дома увеличались, и вмѣсто малаго числа комнатъ уже по множеству стали имѣть, яко свидѣтельствуютъ сіе того времени построенныя зданія; зачали дома сіи обивать штофными и другими обоями, почитая неблагопристойнымъ имѣть комнаты безъ обои; зеркала, которыхъ сперва весьма мало было, уже во всѣ комнаты и большія стали употреблять. Экипажи тоже великолѣпіе возчувствовали и экипажи, богатые, позлащенные кареты, съ точеными стеклами, обитыя бархатомъ, съ золотыми и серебряными бахрамами; лучшія и дорогія лошади; богатые, тяжелые и позлащенные и посребренные шоры съ вутасами шелковыми и съ золотомъ или серебромъ, также богатые ливреи стали употребляться. А паче таковой роскошью былъ видѣнъ, ибо онъ по приказанію учиненъ, во время свадьбы принцесы Анны Мекленбургской, племянницы императрицыной, за принца Антона Ульриха Брауншвейскаго.

Всякій роскошъ приключаетъ удовольствіе и нѣкоторое спокойствіе, а потому и приеѣмлетъ всѣми съ охотою и по мѣрѣ

пріятности своей распространяется. А отъ сего отъ великихъ принимая малые повсюдова онъ началъ являться. Вельможи, проживаясь, привязывались болѣе ко двору, яко ко источнику милостей, а нижніе къ вельможамъ для той же причины.

Исчезла твердость, справедливость, благородство, умѣренность, родство, дружба, пріятство, привязанность къ божію и къ гражданскому закону и любовь къ отечеству; а мѣста сіи начинали занимать: презрѣніе божественныхъ и человѣческихъ должностей, зависть, честолюбіе, сребролюбіе, пышность, уклонность, раболѣпность и лесть, чѣмъ каждый мнилъ свое состояніе сдѣлать и удовольствоваться свои хотѣніи. Однако между множества людей оставалось еще великое число, которые не бывъ толь близко у двора, сохраняли древнюю строгость нравовъ; и правосудіе, если не по склонности, но по крайней мѣрѣ, по страху казней, исполняемое еще въ довольномъ равновѣсіи вѣсы свои сохраняло: При таковыхъ обстоятельствахъ (по краткомъ правленіи принцессы Анны, вмѣсто сына Іоанна Брауншвейскаго, именованнаго наслѣдникомъ имперіи умирающею императрицею Анною) принцеса Елизавета, дочь Петра Великаго и императрицы Екатерины, взошла на російскій престоль.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ГЛИНКИ.

(Окончаніе второй части).

ПЕРІОДЪ VI.

Возвращеніе въ Новоспасское.—Поѣздка въ Москву и Петербургъ.—
Женитба.—Первое представленіе оперы.

1834—1836 гт.

По возвращеніи въ Новоспасское, я подалъ прошеніе о паспортѣ за границу и получилъ его въ августѣ. Мое намѣреніе было ѣхать прямо въ Берлинъ, чтобы видѣть Марію, съ семействомъ которой и съ ней самой я былъ въ постоянной перепискѣ. Матушка уѣхала въ Петербургъ съ сестрой Елизаветой Ивановной, получивъ извѣстіе объ опасной болѣзни брата Евгенія Ивановича, который находился тогда въ Артиллерійскомъ училищѣ. Сестра Наталья Ивановна попросила меня довести Луизу до Берлина, на что я охотно согласился. Итакъ, я съ Луизой и человѣкомъ Яевомъ отправился въ Смоленскъ въ концѣ

О ПОВРЕЖДЕНИИ ПРАВОВЪ ВЪ РОССИИ.

Записки князя М. М. Щербатова.

(Продолженіе).

VII.

Умалчивая, какимъ образомъ было учинено возведеніе Елисаветы Петровны на всероссійскій престоль гренадерскою ротою Преображенскаго полку, и многія другія обстоятельства, приступаю къ показанію ея умоначертанія, яко служащему къ показанію причинъ развратности нравовъ. Сія государыня изъ женскаго полу въ младости своей была отми́нной красоты, набожна, милосерда, сострадательна и щедра; отъ природы одарена довольнымъ разумомъ, но никакого просвѣщенія не имѣла, такъ что меня увѣрялъ Дмитрій Васильевичъ Волковъ, бывшій конференцъ-секретарь, что она не знала, что Великобританія есть островъ; съ природы веселаго нрава и жадно ищущая веселій; чувствовала свою красоту и страстна умножать ее разными украшеніями; лѣнива и надокучлива ко всякому, требующему нѣкоего прилежанія дѣлу, такъ что за лѣнностію ея не токмо внутреннія дѣла государственныя многія иногда лѣта безъ подписанія ея лежали, но даже и внѣшнія государственныя дѣла, яко трактаты, по нѣскольکو мѣсяцевъ, за лѣнностію ее подписать ея имя, у нея лежали; роскошна
....., дающая многую повѣренность своимъ любимцамъ, но однако такова, что всегда надъ ними власть монаршу сохраняла.

Хотя она при шестви своемъ принята всероссійскій престоль, предъ образомъ Спаса Нерукотвореннаго обѣщалась, что естли взойдетъ на родительскій престоль, то во все царствованіе свое повелѣніемъ ея никто смертной казни преданъ не будетъ; однако, приявъ престоль, многихъ изъ вельможъ повелѣла судить, въ чемъ? Въ томъ, что они къ царствующимъ тогда государямъ были привязаны, и что не почитая ее наслѣдницею престола, но опасаясь имя ея родителя и рожденія ея, давали сходственныя съ пользою тѣхъ государей предъсудительныя ей совѣты, и оныя были осуждены на смерть, приведены къ эшафоту, и хотя освобожденіе отъ казни получили, но были въ ссылки разосланы. Таковъ былъ, отличный своимъ разумомъ, генераль-адмираль графъ Остерманъ, который управленіемъ своимъ министерскихъ

* „РУССКАЯ СТАРИНА“, АВГУСТЪ, 1870. Т. II.

дѣль, многія пользы Россіи приобрѣлъ; таковъ былъ фельдмаршалъ графъ Минихъ, многожды побѣдитель надъ турками и первый изъ европейскихъ вождей, который укротилъ гордость сего вражескаго христіанемъ народа. Сии и нѣкоторые другіе были за усердіе ихъ къ императрицѣ Аннѣ и принцу Іоанну сосланы въ ссылку. Но одни ли они усердны къ нимъ были и вѣрно имъ служили? Вся Россія четырнадцать лѣтъ въ томъ же преступленіи была, а окружающіе дворъ, послѣдуя изволеніямъ императрицы Анны и весьма малое уваженіе къ принцесѣ Елисаветѣ имѣли; слѣдственно и всѣ справедливо должны были опасаться ея мщенія, хотя не вазни, но ссылки. Сему единый примѣръ приложу. При возшествіи на престолъ былъ дежурнымъ генераль-адъютантъ, графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ. Родственникъ же его, Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ, человекъ злой и глухой, имѣлъ свѣдѣніе о намѣреніяхъ принцесы Елисаветы, и когда вышеименованный дежурный генераль-адъютантъ былъ арестованный приведенъ предъ вновь возшедшую императрицу и палъ къ ней на колѣни, тогда родственникъ сей Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ ему сказалъ, что «вотъ таперъ ты стоишь на колѣняхъ передъ нею, а вчера съ и глядѣть бы не хотѣлъ и готовъ бы всякое ей зло сдѣлать». Пораженъ такими словами, не могъ графъ Петръ Семеновичъ ничего отвѣтствовать. Но милостивое снисхожденіе самой государыни, запретившей вратъ Василю Ѳедоровичу, его ободрило.

Въ такомъ страхѣ находился весь дворъ, а гдѣ есть страхъ, тутъ нѣтъ твердости.

Первый, бывшій не весьма любимымъ при дворѣ принцесы Анны, князь Никита Юрьевичъ Трубецкой вошелъ въ силу. Человекъ умный, честолюбивый, пронырливый, злой и мстительный, бывъ пожалованъ въ генераль-прокуроры, лстя новой императрицѣ и, можетъ быть, имѣя свои собственные виды, вредставлялъ о возобновленіе всѣхъ законовъ Петра Великаго*). Почитающая память родителя своего, императрица Елисавета на сіе согласилась, и всѣ узаконенія императрицы Анны, которыя были учинены въ притивность указамъ Петра Великаго, окромѣ о правѣ

*) См. «Журналъ собственный» кн. Н. Ю. Трубецкаго въ Русской Старинѣ, т. II, стр. 8—15. Ред.

перворожденія въ наслѣдствѣ, были уничтожены, между коими многія весьма полезныя обрѣтались.

Льстя государю, надлежало льстить и его любимцу, а сей былъ тогда Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, послѣ бывший графомъ. Сей человекъ изъ черкасъ, изъ казаковъ, былъ ко двору принцесы Елисаветы привезенъ въ гѣвчю, учинился ея любимцемъ, былъ внутренно человекъ добрый, но недалежнаго разсудку, склоненъ, какъ и всѣ черкасы, къ пьянству; и такъ сей его страстию старались ему угождать: Степанъ Федоровичъ Апраксинъ, человекъ также благодѣтельный и добраго расположенія сердца, но малознающъ въ вѣсахъ, пронырливъ, роскошенъ и честолюбивъ, а къ тому хотя и не былъ пьяница, но не отрекался иногда въ излишность сію впадать, и привезенный изъ ссылки графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, бывший при императрицѣ Аннѣ кабинетъ-министромъ и добрымъ пріятелемъ Бирону, за котораго онъ и въ ссылку былъ сосланъ, человекъ умный, чрезъ долгую привычку искусный въ политическихъ дѣлахъ, любитель государственной пользы; но пронырливъ, золь и мстителенъ, сластолюбивъ, роскошенъ и собственно имѣющій страсть къ пьянству. Сіи двое *), пивъ съ нимъ вмѣстѣ, и угождая сей его страсти, сочинили партію при дворѣ противную князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому.

Были еще другіе, носящіе милость на себѣ монаршу; сіи суть родственники императрицы по ея матери, императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и по бабкѣ ея Натальи Кирилловнѣ, и оныя первые были Ефимовскіе, Скавронскіе и Гендриковы, о которыхъ о всѣхъ генерально можно сказать, что они были люди глуше и распутные; но умнѣе, или лучше сказать, поживѣе изъ нихъ изо всѣхъ былъ, но и тотъ былъ недалекъ, Николай Наумовичъ Чегловъ, за котораго ближняя свойственница государынина, Марья Симоновна Гендрикова, была выдана, и Михайло Ларіоновичъ Воронцовъ, женатый на Аннѣ Карловнѣ Скавронской, двоюродной сестрѣ императрицы, послѣ пожалованный графомъ и бывший канцлеромъ, коего тихій обычай не позволялъ обазывать его разумъ, но по

*) Зачеркнуто: «прилепились къ Разумовскому».

дѣламъ видно, что онъ его имѣлъ, а паче духъ твердости и честности въ душѣ его обиталь, яко самыми опытами онъ имѣлъ случаи показать*). Вторые**) были Нарышкины, и хотя родъ сей и довольно многочисленъ, но ближнимъ родственникомъ своимъ считала императрица Александра Львовича Нарышкина, къ которому всегда отличное уваженіе показывала.

Потомъ были въ особливомъ уваженіи у двора тѣ, которые знали о намѣреніяхъ императрицы взойти на престолъ и сіи были, окромѣ Михаила Ларионовича Воронцова, князь Гессенъ Гомбургскій и его супруга княгиня Катерина Ивановна, и Василій Ѳеодоровичъ Салтыковъ съ его женою***).

Признательность императрицы простиралась и на тѣхъ, которые у двора ея съ вѣрностію ей служили, и сіи были два брата, Александръ и Петръ Ивановичи Шуваловы, котораго втораго жена Мавра Егоровна и любимица императрицына была, и о сей послѣдней четѣ буду имѣть случай впредь упомянуть; Скворцовъ, Лялинъ, Возжинскій и Чулковъ, изъ которыхъ нѣкоторые и изъ подлости были.

Всѣ сіи разныя награжденія получили, а недостаточные стали обогащены; и какъ не одно рожденіе и по долготѣннымъ службамъ полученные чины стали давать преимущество у двора, то и состоянія смѣшались, и что изъ подлости, или изъ незнатныхъ дворянъ происшедшій, обогащенный по пышности дѣлалъ, того знатный, благородный или заслуженный, но не награжденный человекъ за стыдъ почиталъ не дѣлать.

Когда смѣшались состоянія, когда чины начали изъ почтенія выходить, а достатки не стали равняться, единные отъ монаршей щедроты получая многое, могли много проживать, а другіе; имѣя тоѣмо рожденіе и службу и небольшой достатокъ, съ ними восхотѣли равны быть, тогда естественно роскошь и сластолюбіе сверху внизъ стало переходить и разорять нижнихъ; а какъ сластолюбіе никогда предѣловъ излишностямъ своимъ не полагаетъ, и самыя вельможи начали изыскивать умножить оное въ домахъ своихъ.

Дворъ, подражая, или лучше сказать, угождая императрицѣ,

*) См. «Русскую Старину», т. I, стр. 222.

**) Зачеркнуто: «носяще милость царскую».

***) Зачеркнуто: «всѣ сіи разныя милости и небо?»

Ред.

Ред.

Ред.

въ златотканная одежды облакался. Вельможи изыскивали въ одѣяніи все, что есть богатѣе, въ столѣ — все, что есть драгоцѣннѣе, въ питьѣ — все, что рѣже, въ услугѣ возобновя древнюю многочисленность служителей, приложили къ оной пышность въ одѣяніи ихъ. Экипажи возблистали золотомъ, дорогія лошади, не столько для ѣзды удобныя, какъ единственно для виду, учинились нужны для воженія позлащенныхъ каретъ. Дома стали украшаться позолотою, шелковыми обоями во всѣхъ комнатахъ, дорогими меблями, зеркалами и другими. Все сіе составляло удовольствіе самимъ хозяевамъ, вкусъ умножался, подражаніе роскошнѣйшимъ народамъ возрастало и человѣкъ дѣлался почитателенъ, по мѣрѣ великолѣпности его житія и уборовъ.

Очевидный будучи свидѣтель роду житія и сластолюбія тогдашняго времени, я нѣкоторые примѣры потщуся представить. Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ имѣлъ толь великій погребъ, что онъ знатный капиталъ составилъ, когда послѣ смерти его былъ проданъ графомъ Орловымъ. Палатки, которыя у него становились на его загородномъ дворѣ на Каменномъ острову, имѣли шелковыя веревки. Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ всегда имѣлъ великій столъ, гардеробъ его изъ многихъ сотъ разныхъ богатыхъ кафтановъ состоялъ въ походѣ, когда онъ командовалъ россійскою арміею противу прусскаго короля, всѣ спокойствія, всѣ удовольствія, какія возможно было имѣть въ цвѣтущемъ торговлею градѣ, съ самою роскошью, при звукѣ оружія и безпокойствѣ маршей, ему послѣдовали. Палатки его величиною городъ составляли, обозъ его болѣе нежели 500 лошадей отягчалъ, и для его собственнаго употребленія было съ нимъ 50 заводныхъ, богатоубранныхъ лошадей*). Графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ, сперва камеръ-геръ, а потомъ генералъ-аншефъ и генералъ-адъютантъ, богатѣйшій тогда въ Россіи человѣкъ, какъ по родителю своему, графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, такъ и по супругѣ своей, графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ, рожденной княжнѣ Черкасской, дочери и наслѣдницѣ князя Алексѣя Ми-

*) Все это подтверждается свидѣтельствомъ другого очевидца и участника въ походѣ Апраксина — А. Т. Болотовымъ, см. его «Записки», приложенныя къ I т. «Русской Старины».

хайловича Черкаскаго, человекъ также весьма богатаго. Человѣкъ, весьма посредственный разумомъ своимъ, лѣнивъ, незнающъ въ дѣлахъ, и однимъ словомъ, таскающій, а не носящій свое имя и гордящійся единымъ своимъ богатствомъ, все въ угодность монархинѣ со всѣмъ возможнымъ великолѣпиемъ жилъ. Одежды его наносили ему тягость отъ золота и серебра и блистаніемъ ослѣпляли очи; экипажи его, къ чему онъ и охоты не имѣеть, окромѣ что лутчего вкуса были выписаны изъ Франціи, были наидрагоцѣннѣйшіе, столъ его великолѣпенъ, услуга многочисленна, и житье его однимъ словомъ было таково, что не одиножды случалось, что нечаянно приѣхавшую къ нему императрицу съ немалымъ числомъ придворныхъ, онъ въ вечернемъ кушаньи, яко бы изготовляясь, могъ угощать; а сіе ему достоинствомъ служило и онъ во всякомъ случаѣ*) у двора, не взирая на разныя перемѣны, въ разсужденіи его особы, былъ особливо уважаемъ. Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, сперва камеръ-юнкеръ, а потомъ камеръ-геръ, человекъ не толь разумный, коль быстрый, увертливый и проворный и, словомъ, вмѣщающій въ себѣ всѣ нужныя качества придворнаго, многіе примѣры во всякомъ родѣ сластолюбія подалъ. Къ несчастію Россіи, онъ немалое время путешествовалъ въ чужіе края, видѣлъ все, что сластолюбіе и роскошь при другихъ европейскихъ дворахъ наипрѣятнѣйшаго имѣютъ, онъ все сіе перенялъ, все сіе привезъ въ Россію и всѣмъ симъ отечество свое снабдить тщился. Одѣяніи его были особливаго вкуса и богатства и ихъ толь много, что онъ одиножды вдругъ двѣнадцать кафтановъ выписалъ; столъ его со вкусомъ и изъ дорогихъ вещей содѣланный, обще вкусъ, обоняніе и видъ привлекалъ; экипажи его блистали золотомъ и самая ливрея его пажей была шитая серебромъ; вина у него были на столѣ наилучшія и наидражайшія. И подлинно, онъ симъ нѣкоторое преимущество получалъ, яко человекъ, имѣющій вкусъ, особливо всегда былъ уважаемъ у двора, женился на богатой невѣстѣ Ефимовской, роднѣ государыни и любимой ея, потомъ учинился другомъ фавориту Ивану Ивановичу Шувалову; чрезъ него, прежде другихъ, тогда весьма въ почтеніи находящуюся, ленту польскаго Бѣлаго Орла полу-

*) См. «Русскую Старину», т. I, стр. 220 — 221.

члѣтъ, а симъ же защищеніемъ, чрезъ сенатъ за малую цѣну, то есть не болѣе 90,000 рублей получилъ мѣдные заводы, гдѣ слишкомъ на сто тысячъ готовой мѣди было, и которые, чрезъ нѣсколько лѣтъ приведенные имъ въ разореніе, съ великимъ искомъ на нихъ за 700,000 продалъ обратно коронѣ.

Вкореняющаяся такая роскошь проникла и въ такія состоянія людей, которые бы по чинамъ и обстоятельствамъ своимъ не имѣли нужду ее употреблять. Князь Борисъ Сергѣевичъ Голицынъ, сперва отбѣгающій отъ службы поручикъ или капитанъ, а потомъ отставной майоръ, оную въ Москвѣ koliko возможно оказывалъ; богатыя одѣянія его и жены его, лиреи, экипажи, столъ, вины, услуга и прочее, все было великолѣпно. Таковое роскошное житъе привлекало ему нѣкоторый родъ почтенія, но изнуряло его состояніе, такъ какъ и дѣйствительно онъ, какъ отъ долговъ приватнымъ людямъ, такъ и отъ долговъ казнѣ разоренный, умеръ, и жена его долгое время должна была страдать и претерпѣвать нужду въ платежѣ за безуміе мужа для оплаты нажитыхъ долговъ.

Тако сластолюбіе повсюду вкоренялось, къ разоренію домовъ и къ поврежденію нравовъ. Но гдѣ оно наиболѣе оказало вредныхъ своихъ дѣйствій? и гдѣ оно, соединяся съ пышностію и властолюбіемъ, можно сказать, оказало свою побѣду надъ добрыми нравами? Сіе было въ особѣ графа Петра Ивановича Шувалова. Имя сего мужа, памятное въ Россіи не токмо всѣмъ вредомъ, который самъ онъ причинилъ, но и примѣрами, которые онъ оставилъ въ подражанію. Родъ Шуваловыхъ у насъ никогда въ великихъ чинахъ не бывалъ, и отецъ сего Шувалова, Иванъ Максимычъ, въ младости своей у дѣда моего, брата роднаго моего дѣда, князя Юрія Ѳедоровича Щербатова, у князя Ѳедора Ѳедоровича былъ знакомцемъ. Вошедъ въ службу, долговременнымъ продолженіемъ оныя достигъ наконецъ до генераль-маеорскаго чину, былъ губернаторомъ у города Архангельскаго, откуда отецъ мой его смѣнилъ, а оттуда былъ употребленъ губернаторомъ или въ Ригу, или въ Ревель, гдѣ и умеръ *). Онъ былъ человѣкъ умный и честный, имѣлъ двухъ сыновей, Александра и Петра Ивановичей, которымъ давъ при-

*) Иванъ Максимовичъ Шуваловъ, генераль-майоръ и св. Александра Невского кавалеръ, былъ комендантомъ въ Выборгѣ; умеръ въ 1736 г. Ред.

лично воспитаніе, опредѣлилъ ихъ въ службу ко двору цесаревны Елисаветы Петровны. Въ царствованіе императрицы Анны Ивановны старались наполнить дворъ цесаревны такими людьми, которые бы ни знатности рода, ни богатства не имѣли, и тако сіи достигли изъ пажей даже до камеръ-юнкеровъ.

Петръ Ивановичъ Шуваловъ былъ человекъ умный, быстрый, честолюбивый, корыстолюбивый, роскошный, былъ женатъ на Маврѣ Егоровнѣ Шепелевой, женщицѣ, исполненной многими пороками, однако любимицѣ императрицыной *); онъ пользуясь напаматованіемъ прежней своей службы, когда бывъ при дворѣ ея, яко цесаревны, раздѣлялъ ея утѣсенія и милостію императрицы къ женѣ его, съ самаго начала принятія престола императрицы Елисаветы Петровны, отличную сталъ имѣть силу; вскорѣ былъ пожалованъ въ камеръ-геры, и разумомъ своимъ, удобнымъ къ дѣламъ и ко льсти, силу свою умножилъ; пожалованъ былъ въ генераль-поручики и присутствовалъ въ сенатѣ. Тутъ соединяя все, что хитрость придворная наитончайшаго имѣеть, то есть не токмо лесть, угожденіе монарху, подслуживаніе фавориту Разумовскому, дареніе всѣмъ подлымъ и развратнымъ женщинамъ, которыя были при императрицѣ и которыя единныя были сидѣльщицы у нея по ночамъ, инныя гладили ея ноги, къ пышному немного знаменующему краснорѣчію, проникнулъ онъ, что доходы государственные не имѣютъ порядочнаго положенія, а императрица была роскошна и сластолюбива; тогда когда сенатъ, не имѣя свѣдѣнія о суммахъ, гдѣ какія находятся, всегда жаловался на недостатокъ денегъ, сей всегда говорилъ, что ихъ довольно и находилъ нужныя суммы для удовольствія роскоши императрицы. Дабы на умножающееся сластолюбіе имѣть довольно денегъ, тогда какъ другіе, взирая на недостатокъ народный, не дерзали ничего накладывать, сей, имѣя въ виду свою пышность и собственныя свои пользы, увеличилъ тщаніями своими доходы съ винныхъ откуповъ, а для удовольствія своего корыстолюбія самъ участникомъ оныхъ учинился. Монополіи старался вводить, и самъ взялъ откупъ табаку, рыбныя ловли на Бѣломъ и Ледяномъ морѣ и лѣса олонекіе, за все получая себѣ прибыль. При милосердѣйшей государынѣ

*) См. «Русскую Старину» т. I, стр. 90, 510 — 515.

учредилъ родъ инквизиціи, изыскающей корчемство и обагривъ російскія области кровію пытаныхъ и сѣченыхъ внудомъ и пустыни сибирскія и рудники наполнилъ сосланными въ ссылку на каторги; такъ что считаютъ до 15,000 человѣкъ, претерпѣвшихъ такое наказаніе. Взирая на торговлю, умножилъ пошлины на товары безъ разбору, и тѣмъ приумноженіемъ убытку по цѣнѣ оныхъ, при приумноженіи сластолюбія, принужденно многихъ въ разореніе повлекъ. Умножилъ цѣну на соль, а симъ самымъ приключилъ недостатокъ и болѣзни въ народѣ. Коснувшись до монеты, возвышалъ и уменьшалъ ея цѣну, такъ что пятикопѣшники мѣдные привелъ ходить въ грошъ, а бѣдные подданные на капиталѣ мѣдныхъ денегъ, хотя не вдругъ, но три пятихъ капиталу своего потеряли; по его предложенію дѣлана была монета мѣдная по осьми рублевъ изъ пуда, а потомъ опять передѣлывана по шестнадцати рублевъ изъ пуда. Хотя ни одно изъ сихъ дѣйствій не было учинено безъ тайныхъ прибытковъ себѣ, но еще дошедши до чину генералъ-фельдцеймейстера и бывъ подкрѣпляемъ родственникомъ своимъ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ, котораго ввелъ въ любимцы къ императрицѣ, тогда когда повсюдова въ Европѣ умножали артилерію, и Россія, имѣя тысячи пушекъ, могла бы, токмо ихъ переливъ, снабдить армію и флотъ, онъ множество старыхъ пушекъ въ мѣдную монету передѣлалъ, приписуя себѣ въ честь, что якобы неизвѣстное и погибшее сокровище въ сокровище обращающееся обратилъ. Не могли скрыть свои желанія корыстолюбія силою и властію своею, и пользуясь узаконеніемъ Петра Великаго, чтобъ заводы рудокопные отдавать въ частныя руки, испросилъ себѣ знатныя заводы, и, между прочими, лучшій въ государствѣ Гороблагодацкій, и сіе съ такою безсовѣстностію, что когда сей заводъ, могущій приносить прибыли многіе сты тысячъ рублевъ, былъ оцѣненъ въ 90 тысячъ рублевъ, то онъ не устыдился о дорогой оцѣнѣ приносить жалобу сенату, и получилъ его по новой перецѣнкѣ, гдѣ не справедливость, и не польза государская была соблюдаема, но страхъ его могущества, не съ большимъ за 40 тысячъ рублевъ; заводъ, при которомъ было приписныхъ до 20,000 душъ, заводъ, приносящій послѣ ему до двусотъ тысячъ рублевъ, и который послѣ взять былъ обратнo короною за его долги за безцѣнокъ, за 750 (sic) руб.

Откупы, монополіи, здоимства, торговля, самимъ имъ заведенная и грабительства государственныхъ имѣній, не могли однако его жадность и сластолюбіе удовлетворить; учредилъ банкъ, повидимому могущій бы полезнымъ быть подданнымъ, и оный состоялъ въ мѣдной монетѣ, занимая изъ котораго должно было платить по два процента и чрезъ нѣсколько лѣтъ внести капиталъ серебромъ, Но кто симъ банкомъ воспользовался? Онъ самъ, взявъ милліонъ; Готъ, взявшій у него на откупъ олонецкіе лѣса и взятыя деньги отдавшій ему; армяне, взявшіе въ монополію астраханскій торгъ и большую часть взятыхъ денегъ отдавшіе ему. Князь Борисъ Сергѣичъ Голицынъ, который толь мало взятъемъ симъ пользовался, что увѣряютъ, якобы не въ единое время изъ 20,000 имъ взятыхъ, токмо 4,000 въ пользу себѣ употребилъ.

Властолюбіе его, равно какъ и корыстолюбіе, предѣловъ не имѣло. Не довольствуясь, что онъ былъ генераль-фельдцейхмейстеръ, генераль-адъютантъ и сенаторъ, восхотѣлъ опричнину себѣ армію содѣлать. Представленіе его, такъ какъ и всѣ чиненныя имъ, было принято и онъ сочинилъ армію состоящую изъ 30 т. пѣхоты, раздѣленную въ шесть легионовъ, или полковъ; каждый по пяти тысячъ человекъ, которые ни отъ кого кромѣ его не зависѣли. Является, что въ Россіи ровъ такихъ безнужныхъ затѣй есть скоро родиться и еще скорѣе упадать. Армія сія, сочиненная изъ лучшихъ людей государства, пошла въ походъ противу прусскихъ войскъ, много потерпѣла, ничего не сдѣлала, часть ея превращена была въ состоящіе подъ его же начальствомъ фузилерные полки, а потомъ и совсѣмъ исчезла.

Мало я не забылъ, исчисляя честолюбивыя затѣи сего чудовища, помянуть о изобрѣтенныхъ имъ, или лучше сказать, въ подражаніе старинныхъ и отброшенныхъ голбицъ, которыя Шуваловскими назывались и коихъ коническая камера чинила, что весьма далеко отдавали, а елипсическій калиберъ, что размашисто, но близко, картечами стрѣляли, и единороговъ, которые и нынѣ есть въ употребленіи, ради легкости ихъ. Онъ выдумку свою всему предпочитая, гербы свои на сихъ новыхъ орудіяхъ изобразилъ, гналъ всѣхъ тѣхъ, которые дерзали о неудобности ихъ, нынѣ доказанной, говорить, яко, между прочимъ, содержалъ подъ арестомъ князь Павла Николаевича Щербатова, сказавшаго

по приѣздѣ своемъ изъ арміи, что ихъ дѣйствіе весьма близко, не можетъ быть инако дѣйствительно, какъ на совершенно гладкомъ мѣстѣ; что отдача назадъ голбицъ можетъ самымъ дѣйствующимъ войскамъ вредъ нанести и разстроить ихъ порядокъ; что тягость ихъ неудобна ни въ воженію, ни въ поставленію послѣ выстрѣла на прежнее мѣсто и, наконецъ, что достойно смѣху то, что ихъ толь секретными почитаютъ и съ особливою присягою къ нимъ люди употреблены, которые даже отъ главныхъ начальниковъ сокрываютъ сей мнимый секретъ, съ обидою оныхъ, коимъ ввѣрено начальство арміи, а не могутъ они знать ни секрета, ни дѣйствія употребляемыхъ въ ней орудій: а самое сіе разстроиваетъ всю дисциплину въ войскѣ, что введенные въ сіе таинство, явобы отличные люди отъ другихъ, не по достоинству, но по опричности своей, излишніе чины получаютъ и болѣе другихъ имъ всемогущимъ начальникомъ уважаемы суть.

Между многихъ таковыхъ развратныхъ его предпріятій, начаты однако были два, по его предположеніямъ, то есть, генеральное межеванье и сочиненіе новаго уложенія. Но за неоспоримую истину должно сіе принять, что развратное сердце влечетъ за собою развратный разумъ, который во всѣхъ дѣлахъ того чувствителенъ бываетъ. Хотя не можно сказать, чтобъ нажѣреніе генеральнаго межеванія не полезно было государству, и чтобъ межевая инструзія не содержала въ себѣ много хорошихъ узаконеній; но многія въ ней находятся и такія, которыя несходственно со справедливостію, но по дальновидности его ли самого или его окружающихъ, были для собственныхъ ихъ пользъ учинены. А исполненіе еще хуже было. Порочнаго сердца человекъ выбиралъ порочныхъ людей для исправленія разныхъ должностей; тѣ не на пользу общественную, но на свои прибытки взирая, такъ же порочныхъ людей одобряли, отчего множество тогда же произошло злоупотребленій; и не пользоу обществу сіе межеваніе учинилось, но учинилось вѣрнымъ способомъ къ нажитку опредѣленныхъ и къ грабежу народа. Сочиненіе уложенія не лутчій успѣхъ имѣло; ибо были къ сему, толь полезному дѣлу государства, опредѣлены люди не тѣ, которые глубокою наукою состояніе государства и древнихъ правъ, сообщенныхъ съ наукою логики и моральной философіи, а равно

и съ долговременнымъ исполненіемъ безпорочно своихъ должностей, могли удостоиться имени законодателей и благотворителей своего отечества, но Емме, человѣкъ ученый, но грубъ и безчеловѣченъ съ природы; Дивовъ, глупый, наметливый на законы человѣкъ, но мало смыслящій ихъ разумъ, а въ тому же ворыстолюбивый; Юшковъ, добрый и не здоимщикъ и знающій по крайней мѣрѣ російскіе законы человѣкъ, но лѣнивый, праздный и нетвердый судья; Козловъ, умный и знающій законы человѣкъ, но токмо предъ тѣмъ вышелъ изъ подъ слѣдствія по здоимствамъ и воровствамъ; Глѣбовъ, угодникъ графу Шувалову, умный по наружности человѣкъ, но соединяющій въ себѣ всѣ пороки, которые самъ онъ, Петръ Ивановичъ, имѣлъ. Такіе люди, таково и сочиненіе. Наполнили они сочиненное свое уложеніе множество пристрастными статьями, по которымъ каждый хотѣлъ или свои дѣла рѣшить или, начавши новыя, воспользоваться разореніемъ другихъ. Наполнили его неслыханными жестокостями пытокъ и наказаній, такъ что когда по сочиненіи оное было, безъ чтенія сенатомъ и другихъ государственныхъ чиновъ, поднесено къ подписанію государыни, и уже готова была сія добросердечная государыня, не читая, подписать, перебирая листы, вдругъ попала на главу пытокъ, взглянула на нее, ужаснулась тиранству и, не подписавъ, велѣла передѣлывать. Тако чудеснымъ образомъ избавилась Россія отъ сего безчеловѣчнаго законодательства.

Но я слишкомъ отдалился отъ моей причины, колико она ни достойна любопытства, и токмо ее продолжилъ для показанія умоначертанія сего именитаго мужа, а развратность вельможи влекла примѣромъ своимъ развратность и на нижнихъ людей. И подлинно, до его правленія хотя были взятки, были неправосудія и былъ развратъ, но все съ опасеніемъ строгости законовъ, и народъ, хотя малое что и давая, не могъ справедливо жаловаться, что разоренъ есть отъ судей. Но съ возвышеніемъ его, неправосудіе чинилось съ наглостію, законы стали презираться и здоимства стали явныя. Ибо довольно было быть любиму и защищаему имъ, графомъ Шуваловымъ, иль его метресами, иль его любимцами, Глѣбовымъ и Яковлевымъ, чтобы не страшася ничего, всякія неправосудія дѣлать и народъ взятками разорять. Самый сенатъ, трепетавъ его власти, принужденъ былъ

хотѣніямъ его повиноваться и онъ первый же правосудіе и изъ сего вышняго правительства изгналъ. Черезъ исканіе Анны Борисовны, графини Апраксиной, дочери князя Бориса Васильевича Голицына, при княгинѣ Аленѣ Степановнѣ Куракиной, рѣшено было дѣло между князя Голицына и княгини Елены Васильевны Урусовой въ бѣглыхъ крестьянахъ, и хотя она была права, но рѣшеніемъ сената была приведена въ разореніе; защищалъ онъ, сообщаясь съ графомъ Александромъ Борисовичемъ Бутурлинымъ, князей Долгорукихъ по дѣлу о деревняхъ Анны Яковлевны Шереметевой, дочери именитаго князя Якова Ѳедоровича Долгорукова, чтобы лишить неправо принадлежащей части князя Якова Александровича и сестру его, княжну Марью Александровну Долгорукихъ, и тестъ мой на сіе голосъ подалъ; то сказано ему было отъ вышеименованнаго графа Бутурлина, что если онъ отъ сего дѣла не отступить, они найдутъ способъ толиво его обнести у государыни, что можетъ быть онъ свое упрямство и ссылью заплатить.

Не могу я упустить, чтобъ не помянуть объ единомъ узаконеніи сего графа Петра Ивановича Шувалова, учиненномъ для собственнаго его прибытву и разрушающемъ супружественную связь, которая до сего у насъ свято сохранялась. Между прочими вещами, связующими супруговъ и, сходственно съ божіимъ закономъ, подчиняющихъ женъ мужьямъ своимъ, было узаконеніе, что жена безъ воли мужа своего недвижимаго своего имѣнія продать и заложить не могла, и мужъ всегда долженъ былъ позволеніе свое въ крѣпости подпискою означить. Графу Петру Ивановичу Шувалову нужда была купить одну деревню, не помню у какой графини Головкиной, живущей особливо отъ мужа своего, а посему и немогущей его согласія имѣть, предложилъ, чтобы сей знакъ покорства женъ уничтожить; по предложенію его, яко всесильнаго мужа въ государствѣ, былъ учиненъ указъ, отъ деревню купилъ, а симъ подалъ поводъ по своенравіямъ своимъ женамъ отъ мужей отходить, разорять ихъ дѣтей и отошедшимъ разоряться.

Довольно, думаю *), описалъ я разныя, клонящіяся къ своимъ собственнымъ прибыткамъ, предпріятія графа Шувалова,

*) Зачеркнуто: «предложилъ».

наводящія тогда же мнѣ огорченія, не только по самому злу, чинившемуся тогда, но и по подаваемому примѣру, о которомъ я пророчествовалъ, что онъ множество подражателей себѣ найдетъ, яво и дѣйствительно воспослѣдовало. К. В. (кн. Вяземскій?) показаніемъ, что онъ умножаетъ доходы, хотя то часто со стенаніемъ народа, въ такую силу вошелъ, что владычествуетъ надъ законами и сенатомъ. К. П. (кн. Потемкинъ?) не только всю армію по военной коллегіи подъ властію своею имѣетъ, но и особливую опричную себѣ дивизію изъ большей части арміи сочинилъ и нерегулярныя всѣ войска въ опричину себѣ прибралъ, стараясь во всѣхъ дѣлахъ толико превзойтти графа Шувалова, колико онъ другихъ превосходилъ.

Мнѣ должно теперь помянуть о его нравахъ и роскоши. Безпрестанно въ замыслахъ и безпрестанно въ дѣлахъ, не могъ онъ имѣть открытаго дому, и роскошь свой великолѣпнымъ житьемъ показывать. Но былъ сластолюбивъ и роскошенъ въ приватномъ своемъ житіи. Домъ его былъ убранъ колико возможно лутче по тогдашнему состоянію, столъ его маленькой наполненъ былъ всѣмъ тѣмъ, что есть драгоцѣннѣйшее и вкуснѣйшее; десертъ его былъ, по тогдашнему, наивеликолѣпнѣйшій, ибо тогда какъ многіе, изживши вѣкъ, вкусу ананасовъ не знали, а объ ананасѣ и не слыхивали, онъ ихъ въ обилствѣ имѣлъ, и первый изъ частныхъ завелъ ананасовую большую оранжерею. Вины, употребляемыя имъ, не только были лутчія, но не удовольствуясь тѣми, которыя обыкновенно привозятся и употребляются, дѣлалъ дома вино ананасовое. Экипажъ его былъ блистающъ златомъ, и онъ первый цукъ аглинскихъ, тогда весьма дорогихъ лошадей, имѣлъ; платье его соотвѣтствовало той же пышности: злато, серебро, кружевы, шитье на немъ блистали, и онъ первый по графѣ Алексѣѣ Григорьевичѣ Разумовскомъ имѣлъ брилліантовыя пуговицы, звѣзду, ордены и эполетъ, съ тою только разностію, что его брилліантовые уборы богатѣе были. Во удовольствіи своего любострастія всегда имѣлъ многихъ метресъ, которымъ не жалѣя деньги сыпалъ, а дабы и тѣло его могло согласоваться съ такою роскошью, принималъ ежедневно горячія лекарства, которыя и смерть его приключили. Однимъ словомъ, хотя онъ тогда имѣлъ болѣе 400,000 рублей дохода, но на его роскошь, любострастіе и дары окружающимъ императрицу не

доставало, и онъ умеръ, имѣя болѣе милліону на себѣ казеннаго долга.

Примѣры таковыя не могли*) не разлитыя на весь народъ и повсюдова роскошь и сластолюбіе умножилось. Дома стали великолѣпно убираться, и стыдились не аглинскія мебели имѣть; столы учинились великолѣпны, и повары, которые сперва не за перваго человѣка въ домѣ считались, стали великія деньги въ жалованье получать, такъ что Фуксъ, бывшій поваръ императрицынъ и служившій ей въ цесаревнахъ, хотя имѣлъ брегадирскій чинъ, но жалованье получалъ по 800 рублей въ годъ, а уже тогда и частныя стали давать рублей по пятисотъ, окромѣ содержанія.

Лимоны и померанцы не могли быть дороги въ Петербургѣ, куда они кораблями привозятся, но въ Москвѣ они были толь рѣдки, что развѣ для больного или для особливо великаго стола ихъ покупали, учинились и въ Москвѣ въ изобильствѣ. Вины дорогія и до того незнаемыя, не токмо въ знатныхъ домахъ вошли во употребленіе, но даже и низкіе люди ихъ употреблять начали и за щегольство считалось ихъ разныхъ сортовъ на столъ подавать; даже, что многіе подъ тарелки въ знатные столы вносили записки разнымъ винамъ, дабы каждый могъ попросить какое кому угодно. Пиво аглинское, до того и совсѣмъ не бывшее во употребленіи, но введенное во употребленіе графиней Анной Карловной Воронцовой, которая его любила, стало не токмо въ знатныхъ столахъ ежедневно употребляться, но даже подлые люди, оставя употребленіе русскаго пива, онымъ стали опиваться. Свѣчи, которыя до сего по большей части употреблялись сальныя, а гдѣ въ знатныхъ домахъ, и то передъ господами, употребляли вощеныя, но и тѣ изъ желтова воску, стали вездѣ да и во множествѣ употребляться бѣлыя восковыя. Роскошь въ одеждахъ всѣ предѣлы превзошелъ: парчевыя, бархатныя, съ золотомъ и серебромъ платя, шитыя золотомъ, серебромъ и шелвами, ибо уже галуны за подлое почитали, и тѣ въ толикомъ множествѣ, что часто гардеробъ составлялъ почти равной капиталъ съ прочимъ достаткомъ ка-

*) Зачеркнуто: «не проникнуть».

кого придворнаго или щеголя, а и у умѣренныхъ людей онаго всегда великое число было.

Да можно ли было сему инако быть, когда самъ государь прилагалъ всѣ свои тщанія ко украшенію своея особы; когда онъ за правило себѣ имѣлъ каждый день новое платье надѣвать, а иногда по два и по три на день, и стыжусь сказать число, но увѣряютъ, что нѣсколько десятковъ тысячъ разныхъ платей послѣ нея осталось.

Мундировъ тогда, кто имѣлъ токмо достатокъ, кромѣ должности своей, не нашивали; и даже запрещено было въ оныхъ танцовать при дворѣ.

Экипажи были умѣреннаго съ прочимъ великолѣпія; уже русскаго дѣла карета въ презрѣніи была, а надлежало имѣть, съ заплатою нѣсколькихъ тысячъ рублей, французскую, и съ точеными стеклами, чтобъ шоры и лошади оной соотвѣтствовали, и прочее. Однако при всемъ семъ еще очень мало было сервизовъ серебряныхъ, да и тѣ большая часть жалованныхъ государемъ. Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ, человекъ пышный и роскошный, помнится мнѣ *), до конца жизни своей на фаянсѣ ѣдалъ, довольствуясь имѣть чаши серебряныя, и я слыхалъ отъ Ивана Лукьяновича Талызина, что онъ первый изъ собственныхъ своихъ денегъ сдѣлалъ себѣ сервизъ серебряный.

При сластолюбивомъ и роскошномъ государѣ не удивительно, что роскошъ имѣлъ такіе успѣхи; но достойно удивленія, что при набожности государыни, касательно до нравовъ, во многомъ божественному закону противуборствіи были учинены. Сіе есть въ разсужденіи храненія святости брака, таинства, по исповѣданію наша вѣры. Толь есть истинно, что единый порокъ и единый проступокъ влечетъ за собою другіе. Мы можемъ положить сіе время началомъ, въ которое жены начали покидать своихъ мужей; не знаю я обстоятельствъ перваго страннаго разводу, но въ самомъ дѣлѣ онъ былъ таковъ. Иванъ Бутурлинъ, а чей сынъ не знаю, имѣлъ жену Анну Семеновну. Съ ней слюбился Степанъ Ѳедоровичъ Ушаковъ, и она, отошедъ отъ мужа своего, вышла за своего любовника **) и, публично содѣлавъ любодѣйствен-

*) Зачеркнуто: «думаю до конца».

**) Зачеркнуто: «а мужъ ея женился на Маврѣ Аванасьевнѣ».

ный и противный церкви сей бракъ *), жили **). Потомъ Анна Борисовна, графиня Апраксина, рожденная княжна Голицына, бывшая же въ супружествѣ за графомъ Петромъ Алексѣевичемъ Апраксинымъ, отъ него отошла. Я не вхожу въ причины, чего ради она оставила своего мужа, который подлинно былъ чело-вѣкъ распутнаго житія; но знаю, что разводъ сей не церковнымъ, но гражданскимъ порядкомъ былъ сужень. Мужъ ея, якобы за намѣреніе учинить ей какую обиду въ нѣмецкомъ позорищѣ, былъ посаженъ подъ стражу и долго содержался, и наконецъ велѣно ей было дать ея указную часть изъ мужня имѣнія при живомъ мужѣ, а именоваться ей по прежнему княжною Голицыною. И тако, отложя имя мужа своего, приведши его до посаженія подъ стражу, наслѣдница части его имѣнія учинилась по тому токмо праву, что отецъ ея, князь Борисъ Васильевичъ, имѣлъ нѣкоторый случай у двора; а потомъ, по разводѣ своемъ, она сдѣлалась другомъ княгини Еленѣ Степановнѣ Куракиной, любовницѣ графа Шувалова.

Примѣръ такихъ разводовъ вскорѣ многими другими женами былъ послѣдуемъ, и я токмо двухъ въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны именовалъ, а нынѣ ихъ можно сотнями считать.

Еще Петръ Великій, видя, что законъ нашъ запрещаетъ князю Никитѣ Ивановичу Репнину вступить въ четвертый бракъ, позволилъ ему имѣть метресу, а дѣтей его, подъ именемъ Репнинскихъ, благородными призналъ. Также князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, бывъ плѣненъ шведами, имѣлъ любовницу, сказываютъ, единую благородную женщину, въ Столгольмѣ, которую онъ увѣрилъ, что онъ былъ вдовъ, и отъ нея имѣлъ сына, котораго именовали Бецежимъ, и сей еще при Петрѣ Великомъ почтенъ былъ благороднымъ и уже былъ въ офицерскихъ чинахъ. Такому примѣру послѣдуя, при царствованіи императрицы Елизаветы, в. кн. Василья Владиміровича Долгорукова, Рукинъ на равнѣ съ дворянами былъ производимъ. Алексѣй Даниловичъ Татищевъ, не скрывая холопку свою, отнявшую у мужа жену, въ метресахъ содержалъ и дѣти его дворянство получили. А сему подражая, нынѣ толико сихъ в. дворянъ

*) Зачеркнуто: «публично».

**) Зачеркнуто: «и дѣти ихъ за».

* „ЛУССКАЯ СТАРИНА“, АВГУСТЪ, 1870. II. Т.

умножилось, что повсюдова толпами ихъ видно: Лицѣны, Рапцовы и прочіе, которые или дворянство получаютъ, либо по случаю или за деньги до знатныхъ чиновъ доходятъ, что вѣжется хотѣть истребить честь законнаго рожденія и незакрытно содержать метресь, являются знатные люди насмѣхаться и святостію закона, и моральнымъ правиламъ и благопристойности. И тако можно сказать, что и сіи злы толь обыкновенныя въ нынѣшнее время, отрыгнули корень свой въ сіе царствованіе.

Такое было расположеніе нравовъ при концѣ сея императрицы и она, скончавшись, оставила престолъ свой племяннику своему, сыну старшей своей сестры, Анны Петровны, бывшей за герцогомъ Голстинскимъ, Петру Ѳеодоровичу, государю, одаренному добрымъ сердцемъ, естли можетъ оно быть въ чловѣкѣ, не имѣющемъ ни разума, ни нравовъ;

. Сей, взошедшій на всероссійскій престолъ, къ поврежденнымъ нравамъ бывъ самъ съ излихвою поврежденъ, равно по природному своему расположенію, такъ что и во все время царствованія императрицы Елисаветы старались наиболѣе его нравы испортить, не могъ исправленія имъ сдѣлать.

(окончаніе слѣдуетъ).

Князь М. М. Щербатовъ.

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА ПАВЛА СТЕПАНОВИЧА РУНИЧА О ПУГАЧЕВСКОМЪ БУНТѢ.

Въ бумагахъ бывшаго въ царствованіе императора Александра I попечителемъ с.-петербургскаго учебнаго округа Дмитрія Павловича Рунича, поступившихъ въ распоряженіе „Русской Старины“, найдена рукопись, писанная на толстой сѣрой и синеватой бумагѣ, состоящая изъ пяти тетрадей, — 98 страницъ. На оберткѣ рукою покойнаго Д. П. Рунича сдѣлана надпись: «Записки батюшки о Пугачевскомъ бунтѣ». Записки написаны собственною рукою Павла Степановича Рунича крупнымъ, четкимъ почеркомъ, со множествомъ на поляхъ и въ примѣчаніяхъ вставокъ, дополненій и отмѣтокъ.

Вслѣдъ затѣмъ въ тѣхъ же бумагахъ найдена и черновая рукопись записокъ; за исключеніемъ двухъ-трехъ листовъ, она также писана рукою П. С. Рунича.

При тщательномъ сличеніи послѣдняго экземпляра (нанисаннаго крайне неразборчиво и спутанно) съ первымъ, оказались значитель-